

Из кн. Американская социологическая мысль: тексты. М., 1994. С. 168-215.

Г. Блумер

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ¹

Сфера коллективного поведения

Термин «коллективное поведение». Природа коллективного поведения предполагает рассмотрение таких явлений, как толпы, сборища, панические настроения, мании, танцевальные помешательства, стихийные массовые движения, массовое поведение, общественное мнение, пропаганда, мода, увлечения, социальные движения, революции и реформы. Социологи всегда интересовались этими явлениями, но только в последние годы были предприняты попытки сгруппировать их в единый раздел социологии и рассмотреть в качестве различных выражений одних и тех же основополагающих факторов. Термин «коллективное поведение» употребляется для обозначения этой сферы интересов социологии.

Групповая активность как коллективное поведение. С определенной точки зрения практически всякая групповая активность может мыслиться как коллективное поведение. Групповая активность означает, что индивиды действуют *вместе* определенным образом, что между ними существует некое разделение труда и что налицо определенное взаимное приспособление различных линий индивидуального поведения. В этом смысле групповая активность является коллективным делом. В аудитории, например, имеется определенное разделение труда между преподавателем и учащимися. Учащиеся действуют, придерживаясь каких-то ожидаемых от них линий поведения, и равным образом для преподавателя характерен какой-то особый, ожидаемый от него вид деятельности. Действия учащихся и преподавателя приспособляются друг к другу, чтобы сформировать упорядоченное и согласованное групповое поведение. Это поведение коллективно по своему характеру.

Основа коллективного поведения. В только что приведенном примере коллективное поведение появляется потому, что учащиеся и преподаватели обладают общим пониманием или традициями в отношении того, каким образом они должны вести себя в аудитории. От учащихся ожидаются определенные линии поведения, и они сознают подобные ожидания; точно так

168

же и от преподавателя ожидаются вполне определенные действия, и он отдает себе отчет в подобном ожидании. Это направление поведения определенными ожиданиями всегда отмечает групповую активность, которая находится под влиянием обычая, традиции, условностей, правил или институциональных регулятивов. Таким образом, могут быть высказаны два положения: во-первых, подавляющее большинство случаев коллективного поведения людей объясняется их общими ожиданиями и пониманием; во-вторых, значительная доля социологической сферы исследования посвящена изучению подобного коллективного поведения. Когда социолог изучает обычаи, предания, игровые традиции, нравы, институты и социальную организацию, он имеет дело с социальными правилами и социальными детерминантами, посредством которых организуется коллективное поведение.

Коллективное поведение как раздел социологии. Из предыдущего утверждения вытекает один вопрос: если практически вся социология связана с рассмотрением коллективного поведения, то в каком смысле можно говорить об исследовании *коллективного поведения* как об отдельном разделе социологии? Ответ на этот вопрос позволит нам с большей ясностью определить, на что именно направлено исследование коллективного поведения.

Элементарные формы коллективного поведения. В то время как основной объем человеческого коллективного поведения существует в форме регулируемой групповой деятельности, достаточно часто наблюдается и такое коллективное поведение, которое не находится под влиянием каких-то правил или ожиданий. Возбужденная толпа, биржевая паника, состояние военной истерии, обстановка социальной напряженности представляют собой примеры такого рода коллективного поведения. В этих случаях коллективное поведение

¹ Blumer H. Collective Behavior. Chapt. XIX—XXII / New Outline of the Principles of Sociology. N.Y., 1951. P. 167—221. (Перевод Д. Водотынского).

возникает спонтанно и не подчиняется предустановленным соглашениям (*understandings*) или традициям. Изучение именно таких элементарных и спонтанных форм и составляет один из наиболее интересных моментов в сфере исследования коллективного поведения.

Организованные формы коллективного поведения. Не менее интересно в исследовании коллективного поведения прослеживание того пути, по которому элементарные и спонтанные формы развиваются в организованные. Обычаи, условности, институты и социальная организация претерпевают определенное развитие, представленное переходом от расплывчатого и неорганизованного состояния к устоявшемуся и организованному статусу. Определение путей и характера подобного развития становится в изучении коллективного поведения весьма важным аспектом.

Определение коллективного поведения. Приведенные в самой общей форме, эти замечания предполагают, что исследователь коллективного поведения стремится к пониманию условий возникновения нового социального строя, так как его появление

169

равнозначно возникновению новых форм коллективного поведения. Эта формулировка позволяет отделить область изучения коллективного поведения от прочих социологических исследований. Можно сказать, что социология в целом занимается изучением социального строя и его составляющих (обычаев, правил, институтов и т. д.) как таковых; исследование же коллективного поведения занимается изучением путей становления этого социального строя в смысле возникновения и закрепления новых форм коллективного поведения.

Элементарное коллективное поведение

Круговая реакция и социальное беспокойство Природа круговой реакции

Ключ к пониманию природы коллективного поведения дает осознание той формы социального взаимодействия, которая была названа *круговой реакцией*. Она относится к такому типу взаимного возбуждения (*interstimulation*), в рамках которого реакция одного индивида воспроизводит возбуждение. Так взаимное возбуждение приобретает круговую форму, при которой индивиды отражают настроения (*states of feeling*) и таким образом интенсифицируют их. Это хорошо видно на примере передачи эмоций и настроений между людьми, находящимися в состоянии возбуждения. Еще более очевиден этот процесс в охваченном страхом стаде животных. Выражение страха мычанием, тяжелым дыханием и телодвижениями вызывает то же самое настроение и у других животных стада, которые, по мере того как они в свою очередь выражают свой страх, интенсифицируют это эмоциональное состояние друг у друга. Именно в таком процессе круговой реакции и возникает в стаде общее состояние интенсивного страха и возбуждения, как, например, в случае панического бегства.

Природа круговой реакции может быть понята глубже, если сопоставить ее с истолковательным взаимодействием — формой, встречающейся главным образом среди ассоциированных человеческих существ. Обычно люди откликаются друг на друга, например при поддержании общения, истолковывая действия или замечания друг друга и затем реагируя на основании этого истолкования. Отклики, следовательно, не производятся непосредственно на стимул, но, скорее, следуют за истолкованием; они, очевидно, отличаются по своей природе от стимулирующих действий, являясь, по существу, приспособлениями к этим действиям. Таким образом, истолковательное взаимодействие можно сравнить с игрой в теннис; оно имеет характер скорее челночного, а не кругового процесса. Оно стремится в известной степени сделать людей разными; круговая же реакция стремится сделать людей одинаковыми.

Круговая реакция в коллективном поведении. Круговая

170

реакция весьма распространена среди людей. Это основная форма взаимного возбуждения, присутствующая в спонтанном и элементарном коллективном поведении. Ее роль в этом отношении будет видна в анализе социального беспокойства, коллективного возбуждения, социальной инфекции и на примере действий толпы. Здесь же можно отметить, что из нее вырастает коллективное или разделенное (*shared*) поведение, которое не основано на

присоединении к общим соглашениям или правилам. По этой причине круговая реакция и является естественным механизмом элементарного коллективного поведения.

Происхождение элементарного коллективного поведения. В каких условиях возникает спонтанное и элементарное коллективное поведение? Похоже, в условиях неустойчивости или нарушения привычных форм существования или заведенного распорядка жизни. Там, где групповая жизнь удовлетворительно поддерживается в согласии с правилами или культурными установлениями, очевидно, нет никакого повода для возникновения каких-либо новых форм коллективного поведения. Желания, потребности и предрасположения людей удовлетворяются посредством обычной культурной деятельности их групп. В случае же какого-либо нарушения этих установленных образцов действия или появления каких-то новых предрасположений, которые не могут быть удовлетворены существующими культурными установлениями, возникновение элементарного коллективного поведения вполне вероятно.

Фактор беспокойства. Когда у людей есть побуждения, желания или предрасположения, которые не могут быть удовлетворены наличными формами существования, они оказываются в состоянии беспокойства. Они ощущают побуждение к действию, но одновременно и препятствие, мешающее его исполнению; в результате они испытывают дискомфорт, фрустрацию, неуверенность и, как правило, отчуждение или одиночество. Это внутреннее напряжение, в отсутствие способов его снятия, обычно выражается в беспорядочной и некоординированной деятельности. Это признак беспокойства. Внешне эта деятельность, вероятнее всего, имеет лихорадочный характер, лишена последовательности и напоминает какое-то блуждание в потемках; внутренне она, вероятнее всего, принимает форму расстроенного воображения и беспорядочных эмоций. В своих наиболее острых формах она характерна для невротического поведения.

Развитие социального беспокойства. Присутствие чувства беспокойства среди множества индивидов, однако, не обязательно означает наличие какого-то состояния социального беспокойства. Лишь когда чувство беспокойства вовлекается в круговую реакцию или становится инфекционным, налицо социальное беспокойство. Социальное беспокойство можно рассматривать как социализацию чувства беспокойства. Если индивидуальное чувство беспокойства не имеет эффекта взаимного возбуждения и подкрепления, оно не является ни разделенным, ни коллектив-

171

ным. Это состояние, как кажется, верно описывает современное невротическое чувство беспокойства. Невротического индивида можно рассматривать как изолированного и социально вычлененного — это тот, кому трудно быть раскованным, простым и непосредственным в общении с другими людьми. Его расстроенные чувства возникают в качестве, скорее, реакции против других индивидов, чем солидаризирующегося разделения их чувств. Проявление невротического чувства беспокойства способно раздражать и отталкивать других. И наоборот, в случае социального беспокойства оно имеет взаимообразный характер, т. е. его проявление пробуждает некое схожее состояние беспокойства у других, по мере того как индивиды взаимодействуют друг с другом, возникает взаимное подкрепление этого состояния. Отсюда следует, что социальное беспокойство, вероятнее всего, присутствует там, где люди обладают повышенной чувствительностью друг к другу или охотно вступают в контакт, а также там, где они вместе переносят разрушение своего заведенного жизненного уклада. Эти условия встречаются в таких случаях социального беспокойства, как революционные волнения, аграрные волнения, женский протест, религиозные и моральные волнения, трудовые конфликты, если упомянуть лишь некоторые из множества форм. Эти случаи обнаруживают фундаментальное расстройство эмоций, сознания и поведения людей, вызванное значительными изменениями в их жизненных укладах.

Протяженность и интенсивность социального беспокойства. Социальное беспокойство может различаться как по протяженности, так и по интенсивности. Оно может быть ограничено небольшой общиной, например небольшим шахтерским поселком в период стачки, но может также распространяться и на более многочисленное, разбросанное на большом пространстве

население, как, например, в случае современных волнений в исламском мире. Оно может быть мягким и иметь общий характер, как в большинстве случаев современного морального беспокойства, или же быть конкретным и острым, как в революционных волнениях, непосредственно предшествовавших русской революции 1917 года. Ограниченное или протяженное, подавленное или острое, социальное беспокойство имеет определенные общие черты, которые должны быть обозначены.

Черты социального беспокойства. Одной из наиболее интересных черт социального беспокойства является беспорядочный характер поведения. Люди суматошно и бесцельно суетятся, словно бы стремясь найти что-то или избежать чего-то, но не имея при этом никакого представления о том, что же именно они стараются найти или чего избежать. Действительно, как раз это отсутствие понимаемых целей и объясняет беспокойное поведение. Люди находятся в состоянии напряжения и неловкости и чувствуют сильный позыв к действию. Этот позыв к действию в отсутствие целей с необходимостью ведет к бесцельному и беспорядочному поведению.

172

Другой важный признак социального беспокойства — возбужденные чувства, обычно в форме смутных предчувствий, тревоги, страхов, неуверенности, рвения или повышенной агрессивности. Такие возбужденные чувства способствуют распространению слухов и преувеличений. Подобные черты поведения обычно обнаруживаются во всех обстоятельствах социального беспокойства.

Третью важную черту социального беспокойства составляют раздражительность и повышенная внушаемость людей. В состоянии социального беспокойства люди психологически неустойчивы, подвержены действию беспорядочных побуждений и эмоций. Их внимание становится изменчивым и непостоянным, лишается обычной последовательности. Их состояние делает их гораздо более восприимчивыми по отношению к другим, но также и менее постоянными и твердыми в своем настроении и образе действий. Осознать эту возросшую неустойчивость и чувство беспокойства — значит понять, почему люди в состоянии социального беспокойства так внушаемы, так легко откликаются на различные новые стимулы и идеи, а также более податливы.

Роль социального беспокойства. Эти замечания указывают на важную роль социального беспокойства. С одной стороны, это симптом распада или крушения жизненного устройства. С другой стороны, оно означает начальную подготовку к новым формам коллективного поведения. Этот последний пункт особенно важен. В метафорическом смысле социальное беспокойство может восприниматься как неорганизованное, неконтролируемое, изменчивое и активное состояния. Привычные формы деятельности разрушены, и индивиды стали податливыми, готовыми воспринять новые воздействия. Социальное беспокойство можно рассматривать как суровое испытание, в котором выплавляются новые формы организованной деятельности, такие, как социальные движения, реформы, революции, религиозные культы, духовное пробуждение и новые моральные установления. В себе самом оно может мыслиться как обладающее большим потенциалом различных выражений; это значит, что существует множество альтернативных форм заново организованной деятельности, в которые может вылиться само социальное беспокойство. Нам будет интересно проследить, каким образом социальное беспокойство развивается и выражает себя в новых формах поведения.

Механизмы элементарного коллективного поведения

Характеристики элементарных механизмов. Поведение людей, находящихся в состоянии социального беспокойства, выказывает ряд типичных форм взаимодействия, которые мы можем обозначить как элементарные механизмы коллективного поведения. Они элементарны потому, что возникают спонтанно и естественно, они являются простейшими и древнейшими способами взаимодействия людей с целью осуществления совместной деятельности и обычно ведут к более развитым и сложным формам.

Толчая (milling). Основным типом таких элементарных форм является толчая. Толчая

может пониматься как круговая реакция в чистом виде. В толчее люди бесцельно и беспорядочно кружатся друг возле друга, подобно переплетающимся движениям овец, которые находятся в состоянии возбуждения. Первейшая цель толчеи состоит в том, чтобы сделать индивидов более восприимчивыми и отзывчивыми друг к другу, чтобы они становились все больше заняты лишь друг другом и все меньше отзывались на обычные объекты возбуждения. Это именно то состояние, к которому относится термин *контакт (rapport)*. В преувеличенной форме мы наблюдаем это состояние в случае гипноза. Гипнотизируемый все больше становится занят одним лишь гипнотизером таким образом, что его внимание оказывается прикованным к гипнотизеру, и он соответственно развивает иммунитет к большинству других типов возбуждения, на которые он откликнулся бы в обычных условиях. Толчая имеет тенденцию вызывать это состояние в людской среде. Внимание людей становится все больше сфокусировано друг на друге и все меньше — на объектах и событиях, которые привлекли бы его в обычных условиях. Оказавшись занятыми исключительно друг другом, они склонны откликаться друг на друга быстро, непосредственно и бессознательно. Поскольку толчая привносит эту поглощенность друг другом и эту готовность к быстрому отклику, она явственно способствует коллективному поведению. Люди в этом состоянии гораздо более расположены действовать сообща, под влиянием общего побуждения или настроения, чем действовать порознь, под влиянием эмоций, не являющихся для них общими. С этой точки зрения толчая может рассматриваться в качестве элементарного и естественного средства, с помощью которого люди спонтанно подготавливаются к совместному действию.

Коллективное возбуждение (excitement). Мы можем выделить коллективное возбуждение в качестве наиболее интенсивной формы толчеи и рассматривать его как отдельный элементарный механизм, приводящий к коллективному поведению. Хотя оно может рассматриваться в качестве интенсификации толчеи и, следовательно, как обладающее общими характеристиками круговой реакции, оно отличается также и определенными специфическими признаками, заслуживающими нашего внимания. Во-первых, невозможно не дать высокой оценки той силе, с которой возбужденное поведение захватывает и приковывает внимание наблюдателей. Во всех сообществах — как животном, так и человеческом — все индивиды особенно восприимчивы к проявлению возбуждения по отношению друг к другу. Такое возбужденное поведение трудно игнорировать; чтобы сделать это, индивид должен покинуть сцену действия или сконцентрировать свое внимание на каком-то другом объекте при помощи каких-то вербальных формул. Его естественная тенденция — уделить внимание возбужденному поведению и проявить к нему интерес. Эта сила возбужденного поведения, полностью подчиняющая

174

внимание, представляет особый интерес, поскольку именно в той степени, в какой индивид оказывается поглощенным каким-либо объектом, он попадает под его контроль. Человек контролирует самого себя перед лицом какого-либо объекта внимания в той степени, в какой он способен пробуждать в своем сознании образы, которые он может противопоставить этому объекту. И все же возбужденное поведение как объект внимания препятствует этому процессу направленного воображения. Там, где люди в результате воздействия какой-либо формы толчеи оказываются в состоянии коллективного возбуждения, эта потеря нормального контроля приобретает ярко выраженный характер, подготавливая почву для инфекционного поведения.

Другая интересная черта коллективного возбуждения состоит в том, что под его влиянием люди становятся более «заведенными» в эмоциональном отношении и больше обычного склонны отдаваться всевозможным побуждениям и чувствам, а следовательно, делаются менее устойчивыми и более безответственными. При коллективном возбуждении личный характер индивидов ломается с большей легкостью и, таким образом, создаются условия для реорганизации и образования новых форм поведения. При коллективном возбуждении индивиды могут начать придерживаться таких линий поведения, о которых прежде они, вероятно, и не помышляли и, еще менее вероятно, что осмелились бы придерживаться. Точно так же, находясь под его нажимом и располагая возможностями для снятия напряжения, индивиды могут

испытать значительную реорганизацию своих чувств, привычек и личностных характеристик. Эти замечания показывают, сколь влиятельно может быть коллективное возбуждение в деле сплачивания людей в новые формы коллективной ассоциации и в создании фундамента для новых форм коллективного поведения.

Социальная инфекция. Там, где коллективное возбуждение интенсивно и широко распространено, есть большая вероятность возникновения социальной инфекции того или иного рода. Социальная инфекция относится к сравнительно быстрому, бессознательному и нерациональному распространению каких-либо настроений, порывов или форм поведения; это хорошо видно на примере распространения помешательств, маний и увлечений. В своих наиболее крайних формах она принимает характер социальной эпидемии, как, например, в случае тюльпанной лихорадки в Голландии в XVII веке или же танцевальной мании в средние века. В современную эпоху мы видим ее отчетливые проявления в эволюции военной истерии или в процессе развития биржевой паники.

Социальная инфекция может рассматриваться в качестве интенсивной формы толчеи и коллективного возбуждения; в ней ярко выражено углубление контакта и безумной отзывчивости индивидов по отношению друг к другу. Наиболее интересным и захватывающим в социальной инфекции является то, что она

175

привлекает и заражает и тех индивидов, которые первоначально были просто отрешенными от происходящего и безразличными зрителями или наблюдателями.

Вначале люди могут просто проявлять любопытство по поводу данного поведения или слабо интересоваться им. По мере того как они ухватывают дух возбуждения и становятся более внимательными к этому поведению, они все более склоняются к тому, чтобы самим в него вовлечься. Это можно рассматривать как некое снижение социального сопротивления, вызванное тем, что они претерпевают определенную утрату самосознания и соответственно способности истолковывать действия других. Самосознание есть средство оградить себя от влияния других, так как с его помощью индивид сдерживает свои непосредственные, естественные отклики и побуждения и составляет свое собственное суждение, прежде чем действовать. Следовательно, когда люди находятся под гнетом коллективного возбуждения, становясь все более и более поглощенными данным типом поведения, они легче подвержены влиянию возникающих у них побуждений. Там, где люди уже имеют общее предрасположение действовать каким-то определенным образом, например стремиться к наживе, бежать от опасности или выражать ненависть, проявление этого поведения в условиях коллективного возбуждения легко высвобождает их соответствующие побуждения. В таких условиях данный тип поведения будет распространяться подобно греческому огню, как это можно наблюдать на примере разгула биржевой спекуляции (a speculative orgy), финансовой паники или волны патриотической истерии.

Стадии спонтанного поведения. Толчея, коллективное возбуждение и социальная инфекция присутствуют в различной степени во всех проявлениях спонтанного группового поведения. Особенно часто их можно встретить на более ранних стадиях развития этого поведения, но они могут присутствовать в определенном смысле на любом этапе развития этого поведения. Так, в случае какого-нибудь социального движения мы обнаруживаем, что они наиболее ярко выражены в ранний период, но продолжают функционировать еще долгое время, хотя и менее явственно. Этот процесс может быть понят с учетом их социальной функции, как это было обозначено выше. Их действие, как мы увидели, нацелено на объединение людей на самом примитивном уровне и тем самым на создание фундамента более прочных форм объединения.

До сих пор мы пытались вкратце очертить природу коллективного поведения в его наиболее элементарной и спонтанной форме, а также объяснить природу механизмов, посредством которых оно действует. Наша непосредственная задача — проанализировать различные типы элементарных коллективных групп; далее рассмотрим, каким образом коллективное поведение организуется и сплачивается в новые формы группового и

институционального поведения. Можно выделить четыре типа элементарных коллек-

176

тивных групп: действующая толпа, экспрессивная толпа, масса и общественность. Эти социальные группировки можно рассматривать в качестве элементарных постольку, поскольку они возникают спонтанно и их действие не направляется и не определяется существующими культурными моделями. Каждая имеет свой особый характер, и каждая возникает при особом наборе условий.

Элементарные коллективные группирования

Действующая толпа. Большая часть первоначальных интересов социологов в сфере коллективного поведения была сосредоточена на изучении толпы. Этот интерес был особенно живым в конце прошлого века и прежде всего среди французских исследователей. Наиболее яркое выражение он получил в классической работе «Толпа» Гюстава Ле Бона (1897). Этот и другие труды дали нам значительную долю понимания природы и поведения толпы, хотя многое все еще остается непознанным.

Типы толпы. Следует выделить четыре типа толпы. Первый может быть назван случайной толпой, как, например, в случае уличной толпы, наблюдающей за манекеном в витрине магазина. Случайная толпа обычно существует лишь мгновения, и, что более важно, она имеет очень рыхлую организацию и едва ли какое-либо единство. Ее члены приходят и уходят, уделяя лишь временно внимание объекту, который возбудил интерес толпы, и вступая лишь в слабую связь (association) друг с другом. Хотя главные механизмы формирования толпы присутствуют в случайной толпе, они настолько незначительны в объеме и слабы в действии, что далее мы не станем заниматься этим типом толпы. Второй тип может быть определен как *обусловленная* (conventionalized) толпа, как, например, зрители захватывающего бейсбольного матча. Их поведение, по существу, схоже с поведением случайных толп, за исключением того, что оно выражается в установленных и упорядоченных формах. Именно эта упорядоченная деятельность и является отличительным признаком обусловленной толпы как особого типа. Третьим типом толпы является *действующая*, агрессивная толпа, наилучшим образом представленная революционной толпой или линчующим сбродом. Заметным признаком этого типа толпы является наличие цели, на которую направлена деятельность толпы. Этот тип толпы является объектом изучения практически во всех исследованиях толпы. Последний тип — *экспрессивная*, или так называемая танцующая, толпа, это такая, которая столь часто встречается в религиозных сектах при их возникновении. Ее отличительной чертой является то, что возбуждение выражается физическим движением просто как некой формой снятия напряжения, а не направленным на какую-либо цель. В этой главе мы рассмотрим действующую толпу, а в следующей — танцующую.

Формирование толпы. Существенные ступени формирования

177

толпы представляются достаточно ясными. Сначала происходит какое-либо волнующее событие, которое привлекает внимание и пробуждает интерес людей. Становясь все более поглощенным этим событием и подстрекаемым его возбуждающим характером, индивид склоняется к утрате части своего обычного самоконтроля и подчинению возбуждающему объекту. Далее этот вид переживания, пробуждая различные порывы и эмоции, создает определенную ситуацию напряжения, которая в свою очередь принуждает индивида к действию. Таким образом определенное число людей, стимулируемых одним и тем же возбуждающим событием, предрасположено самим этим фактом вести себя подобно толпе.

Это становится ясным на втором этапе — зарождение толчеи. Напряжение индивидов, взбудораженных каким-либо возбуждающим событием, заставляет их суетиться и болтать друг с другом; в этой толчее первоначальное возбуждение возрастает. Возбуждение каждого передается другим и, как мы отметили выше, отражаясь, возвращается обратно к каждому и усиливает его собственное возбужденное состояние. Наиболее очевидным результатом этой толчеи является распространение некоего общего настроения, ощущения или эмоционального порыва, а также

рост их интенсивности. Это действительно ведет к состоянию подчеркнутого контакта, в котором индивиды становятся очень восприимчивыми и отзывчивыми по отношению друг к другу и в котором вследствие этого все более расположены действовать сообща как некая коллективная единица. И другой важный результат может проистекать из процесса толчеи, который можно рассматривать как третий важный этап в процессе формирования действующей толпы. На этом этапе возникает некий общий объект внимания, на котором фокусируются порывы, эмоции и воображение людей. Обычно общим объектом является возбуждающее событие, взбудоражившее людей, но гораздо чаще им является некий образ, выстроенный и зафиксированный в пересудах и действиях людей, пока они толкутся. Этот образ или объект, так же как и возбуждение, является общим и разделяется всеми. Его важность в том, что он дает людям некую общую ориентацию и, таким образом, сообщает их деятельности некоторую общую цель. С этой общей целью толпа готова действовать согласованно, целенаправленно и последовательно.

Последний этап можно представить себе как стимулирование и поощрение порывов, соответствующих цели толпы, вплоть до того момента, когда ее члены готовы действовать под их влиянием. Одобрение и кристаллизация порывов являются результатом взаимного возбуждения, которое имеет место в толчею в качестве отклика на лидерство (leadership). Оно имеет место главным образом как результат образов, пробужденных в процессе внушения и подражания и подкрепленных взаимным одобрением. Когда члены толпы имеют некий общий порыв, направленный на фиксированный образ и поддержанный какой-либо интенсивной

178

коллективной эмоцией, они готовы действовать, и действовать агрессивно, что типично для действующей толпы.

Характеристики действующей толпы. Теперь мы можем охарактеризовать природу, действующей толпы, или, как также называют ее некоторые авторы, психологической толпы. Следует отметить, во-первых, что подобная группа спонтанна и живет сиюминутным настоящим. Как таковая, она не является обществом или культурной группой. У нее нет наследия или традиций, которые направляли бы ее деятельность, нет никаких условностей, установленных традицией экспектаций или правил. Ей недостает и других важных признаков общества, таких, как установленная социальная организация, установленное разделение труда, структура установленных ролей, признанное лидерство, набор норм и нравственных предписаний, сознание своей собственной идентичности или признанное «мы — сознание». Поэтому вместо того чтобы действовать на основании установленного правила, она действует на основании пробужденного порыва. Так же как она выступает в этом смысле некультурной группой, она равным образом выступает и неморальной группой. В свете этого факта нетрудно понять, что действия толпы могут быть странными, отталкивающими и порой зверскими. Не имея никакой совокупности определений или правил для направления своего поведения и действуя на основании порыва, толпа непостоянна, подвержена внушению и безответственна.

Этот характер толпы может быть лучше оценен, если мы поймем состояние ее типичного члена. Такой индивид теряет обычное критическое восприятие и самоконтроль, как только он вступает в контакт с другими членами толпы и проникается тем коллективным возбуждением, которое господствует над ними. Он прямо и непосредственно откликается на замечания и действия других, вместо того чтобы истолковывать их, как он сделал бы в обычных условиях. Его неспособность анализировать действия других прежде, чем откликаться на них, порождает его собственное стремление действовать. Следовательно, порывы, пробужденные в нем его сочувствием коллективному возбуждению, скорее получают немедленное выражение, чем покорятся его собственному суждению. Именно это состояние и является признаком внушаемости; оно объясняет, почему в толпе роль внушения так ярко выражена. Следует отметить, однако, что эта внушаемость ни на йоту не отклоняется от того направления, в котором действуют пробужденные порывы; внушения, которые противоречат им, игнорируются. Это ограничение сферы внушаемости, но вкуче с интенсификацией внушаемости внутри этих границ является тем пунктом, который часто упускался из виду исследователями толпы.

Недостаток обычного критического отношения и пробуждение порывов и эмоций объясняют эксцентричное неистовое и неожиданное поведение, которое столь часто можно наблюдать у членов настоящей толпы. Порывы, которые в обычных условиях подверглись бы суровому подавлению благодаря способности индивида к суждению и самоконтролю, теперь находят выход для своего выражения свободным. То, что многие из этих порывов должны иметь атавистический характер, неудивительно, и, следовательно, не является неожиданностью и то, что в реальности это поведение, как правило, бывает насильственным, жестоким и разрушительным. Далее, высвобождение порывов и эмоций, которое не встречает никакого ограничения, которое овладевает индивидом и которое получает квазидобрение благодаря поддержке других людей, дает индивиду ощущение своей силы, возрастания значимости своего «Я», своей праведности и прямоты. Таким образом, он должен приобретать чувство неуязвимости и убежденности в правоте своих действий.

Поведение толпы может быть понято лучше с учетом следующих характеристик ее индивидуального члена: потеря им самоконтроля и способности к критическому суждению; наплыв порывов и эмоций, многие из которых обычно подавлены; ощущение возрастания его значимости; подверженность внушению со стороны окружения. Следует помнить о том, что это состояние членов толпы обусловлено их исключительно плотным контактом и взаимным возбуждением, а также о том, что этот контакт в действующей толпе в свою очередь был организован вокруг определенной общей цели деятельности. Общее сосредоточение внимания, контакт и растворение индивидов в толпе, составляющие единый процесс, являются просто различными фазами друг друга, и этим объясняются единство толпы и всеобщий характер ее поведения.

Чтобы предотвратить образование сборища или рассеять его, необходимо переориентировать внимание таким образом, чтобы оно не было коллективно сосредоточено на каком-то одном объекте. Таков теоретический принцип, лежащий в основе контроля над толпами. Когда внимание членов толпы направлено на различные объекты, они образуют некий агрегат индивидов, а не толпу, объединенную тесным контактом. Так, способами, с помощью которых можно рассеять толпу, являются: обращение людей в состояние паники, возбуждение в них интереса к другим объектам, привлечение их к дискуссии или аргументированному спору.

Наше исследование толпы представило те психологические узы толпы, или тот ее дух, который можно назвать стадностью (*crowd-mindedness*), если воспользоваться удачным выражением Э.А. Росса². Если мы мыслим в терминах стадности, становится ясным, что многие группы могут приобретать характер толпы, даже не будучи столь малочисленными, как, например, сборище линчующих. В определенных условиях и целая нация может оказаться подобной толпе. Если люди становятся погло-

180

щенными одним и тем же волнующим событием или объектом, если они достигают высокой степени взаимного возбуждения, отмеченного отсутствием разногласий, и если они обладают мощными порывами к действию в направлении того объекта, которым они поглощены, их действие будет подобно действию толпы. Нам известно такое поведение, принимающее значительный размах, на примере социальной инфекции, такой, как инфекция патриотической истерии.

Экспрессивная толпа

Доминантный признак экспрессивной толпы. Отличительной чертой действующей толпы, как мы увидели, является направленность внимания на какую-либо общую цель; действия толпы — это поведение, предпринятое для достижения этой цели. В противоположность этой характеристике доминантным признаком экспрессивной толпы является ее обращенность на самое себя, интро-вертность. Она не имеет никакой цели — ее порывы и эмоции растрчиваются не более чем в экспрессивных действиях, обычно в ничем не сдерживаемых физических движениях, дающих снятие напряжения и не имеющих никакой другой цели.

² Ross E.A. Social Psychology. N. Y. 1908.

Мы наблюдаем подобное поведение в его ярко выраженной форме на примере вакханалий, карнавалов и пляшущих толп примитивных сект.

Сравнения с действующей толпой. Объясняя природу экспрессивной толпы, мы должны отметить, что и по своему образованию и по фундаментальному характеру она очень напоминает действующую толпу. Она состоит из возбужденных людей, которые толкуются и тем самым распространяют и интенсифицируют возбуждение. В их среде возникает то же состояние контакта, отмеченное быстродействующей и неосмысленной взаимной отзывчивостью. Индивиды утрачивают самосознание. Пробуждаются порывы и эмоции, и они больше не подвержены ограничению и контролю, которые обычно осуществляет над ними индивид. В этих отношениях экспрессивная толпа в основе своей подобна действующей толпе.

Фундаментальное различие состоит в том, что экспрессивная толпа не вырабатывает образа какой-то цели и, следовательно, внушение не ведет к действию, не участвует в построении какого-то плана действий. Не имея никакой цели, в направлении которой она могла бы действовать, толпа оказывается в состоянии разрядить возникшее в ней напряжение и возбуждение только в физическом движении. Если сформулировать это сжато, то следует сказать: толпа *должна* действовать, но она не обладает ничем, в направлении чего она *может* действовать, и поэтому она попросту предается возбужденным движениям. Возбуждение толпы стимулирует дальнейшее возбуждение, не организуемое, однако, вокруг некоторого целенаправленного действия, которое

181

могла бы стремиться выполнить эта толпа. В такой ситуации внешнее выражение возбужденных чувств становится самоцелью, поэтому поведение может принимать формы смеха, плача, крика, скачков и танцев. В своем более резком выражении она может принимать такие формы, которые сопровождаются невнятным бормотанием всякого вздора или же сильнейшими физическими судорогами.

Ритмическое выражение. Вероятно, наиболее интересной чертой этого экспрессивного поведения, поскольку оно осуществляется коллективно, является его тенденция становиться ритмическим; при повторении и достаточном контакте оно принимает форму согласованного действия людей. Легко заметить, что оно может стать схожим с коллективным танцем; именно этот аспект подталкивает к определению экспрессивной толпы как танцующей.

Можно сказать, что, подобно тому как действующая толпа усиливает свое единство посредством формирования какой-то общей цели, экспрессивная толпа формирует свое единство посредством ритмического выражения своего напряжения.

Эта черта имеет исключительную важность, так как проливает некоторый свет на интереснейшую связь между «танцующим» поведением и первобытным религиозным чувством. Для иллюстрации этого пункта рассмотрим переживания индивида в танцующей толпе.

Индивид в экспрессивной толпе. Возбуждение, которое индивид воспринимает от тех, кто находится с ним в контакте, уменьшает его обычный самоконтроль, а также пробуждает импульсивные эмоции, постепенно завладевающие им. Он чувствует, будто он увлечен неким духом, происхождение которого неведомо, но воздействие которого воспринимается весьма остро. Вероятно, два условия делают это переживание переживанием экстаза и экзальтации и придают ему священный, или божественный, оттенок. Первое состоит в том, что это переживание по природе своей является катарсическим. Индивид, который находился в состоянии напряжения, дискомфорта и, возможно, тревоги, внезапно получает полную разрядку и испытывает радость и полноту жизни, приходящие с подобным облегчением. Это естественное удовлетворение, безусловно, доставляет наслаждение и радость, которые делают это переживание весьма значимым. Тот факт, что подобное настроение завоевывает столь полный и беспрепятственный контроль над индивидом, легко приводит его к ощущению, будто он одержим или исполнен неким запредельным духом. Другое условие, которое придает этому переживанию религиозный характер, состоит в поощрении и одобрении, заключающихся в той поддержке, которая исходит от тех, с кем он находится в контакте. Тот факт, что и другие разделяют это же переживание, избавляет последнее от подозрений и делает возможным его

безоговорочное принятие. Когда какое-либо переживание доставляет полное и совершенное

182

удовлетворение, когда оно социально стимулируется, поощряется и поддерживается, когда оно выступает в форме таинственной одержимости потусторонними силами, оно легко приобретает религиозный характер.

Развитие коллективного экстаза. Когда экспрессивная толпа достигает высшей точки подобного коллективного экстаза, это чувство приобретает тенденцию проецироваться на те объекты, которые ощущаются как находящиеся с ним в некоей тайной и тесной связи. В результате эти объекты становятся священными для членов толпы. Эти объекты могут быть всем чем угодно; в их число могут включаться люди (например, какой-нибудь религиозный пророк), танец, песня или же физические объекты, которые воспринимаются как связанные с этим экстатическим опытом. Появление таких священных объектов закладывает основу для формирования какой-нибудь культа, секты или примитивной религии.

Не все экспрессивные толпы достигают этой ступени развития. Большинство из них не заходит дальше ранней стадии толчеи, или возбуждения. Но имплицитно они обладают возможностью такого развития и большинством из этих характерных черт, пусть даже и в подавленной форме.

Как и действующая толпа, экспрессивная толпа не обязательно ограничивается какой-либо небольшой компактной группой, члены которой находятся в непосредственной физической близости друг к другу. Характерное для нее поведение можно порой встретить и в какой-нибудь крупной группе, такой, например, как общественность (*public*) в масштабах целой нации.

Оценка. Здесь можно привести краткую оценку действующей толпы и экспрессивной толпы. Обе они являются спонтанными группированиями. Обе они представляют собой элементарные коллективы. Их форму и структуру невозможно возвести ни к какой культурной модели или же набору правил; структуры, которыми они обладают, совершенно самобытно развиваются из толчеи возбужденных индивидов. Действующая толпа фокусирует свое напряжение на некоей цели и таким образом организуется вокруг некоего плана действий; экспрессивная толпа попросту разряжает свое напряжение в экспрессивном движении, которое имеет тенденцию становиться ритмическим, и именно таким образом устанавливает определенное единство. В обеих толпах индивид лишается большей части репертуара своего обычного сознательного поведения и становится уступчивым, податливым в тигле коллективного возбуждения. С разрушением его прежней личностной организации индивид должен развивать новые формы поведения и выкристаллизовать какую-то новую личностную организацию, двигаясь в новых и отличающихся от прежних направлениях. В этом смысле стадное поведение является средством, с помощью которого осуществляется разрушение социальной организации и личностной структуры, и в то же время

183

потенциальным проектом возникновения новых форм поведения и личности. Действующая толпа представляет собой одну из альтернативных линий для такой реорганизации — развитие агрессивного поведения в направлении целенаправленного социального изменения. Мы увидим, что эта линия реорганизации приводит к возникновению политического строя. Экспрессивная толпа представляет собой другую альтернативу — разрядку внутреннего напряжения в поведении, которое имеет тенденцию становиться священным и отмеченным глубоким внутренним чувством.

Ее можно рассматривать как приводящую к возникновению религиозного строя поведения.

Масса

Мы выбираем термин *масса* для обозначения другого элементарного и спонтанного коллективного группирования, которое во многих отношениях схоже с толпой, однако коренным образом отличается от нее в других отношениях. Масса представлена людьми, участвующими в массовом поведении, такими, например, которые возбуждены каким-либо событием

национального масштаба, или участвуют в земельном буме, или интересуются каким-либо судебным разбирательством по делу об убийстве, отчеты о котором публикуются в прессе, или участвуют в какой-то крупномасштабной миграции.

Отличительные черты массы. Понимаемая подобным образом, масса имеет ряд отличительных черт. Во-первых, ее члены могут занимать самое различное общественное положение, происходить из всех возможных слоев общества; она может включать людей, занимающих самые различные классовые позиции, отличающихся друг от друга по профессиональному признаку, культурному уровню и материальному состоянию. Это можно наблюдать на примере массы людей, следящей за судебным разбирательством по делу об убийстве. Во-вторых, масса является анонимной группой, или, точнее, состоит из анонимных индивидов. В-третьих, между членами массы почти нет взаимодействия и обмена переживанием. Обычно они физически отделены друг от друга и, будучи анонимными, не имеют возможности толочься, как это делают люди в толпе. В-четвертых, масса имеет очень рыхлую организацию и неспособна действовать с теми согласованностью и единством, которые отличают толпу.

Роль индивидов в массе. Тот факт, что масса состоит из индивидов, принадлежащих к самым разным локальным группам и культурам, имеет большое значение. Ибо это означает, что объект интереса, который привлекает внимание тех, кто составляет массу, находится за пределами локальных культур и групп и, следовательно, что этот объект интереса не определяется и не объясняется в терминах представлений или правил этих локаль-

184

ных групп. Объект массового интереса может мыслиться как отвлекающий внимание людей от их локальных культур и сфер жизни и обращающий его на более широкое пространство, на такие области, на которые распространяются правила, регулятивы или экспектации. В этом смысле масса может рассматриваться как нечто, состоящее из обособленных и отчужденных индивидов, обращенных лицом к тем объектам или областям жизни, которые интересны, но сбивают с толку и которые нелегко понять и упорядочить. Перед подобными объектами члены массы, как правило, испытывают замешательство и неуверенность в своих действиях. Далее, не имея возможности общаться друг с другом, разве что ограниченно и несовершенно, члены массы вынуждены действовать обособленно, как индивиды.

Общество и масса. Из этой краткой характеристики явствует, что масса лишена черт общества или общины (community). У нее нет никакой социальной организации, никакого корпуса обычаев и традиций, никакого устоявшегося набора правил или ритуалов, никакой организованной группы установок, никакой структуры статусных ролей и никакого упрочившегося умения. Она просто состоит из некоего конгломерата индивидов, которые обособлены, изолированы, анонимны и, таким образом, однородны в той мере, в какой имеется в виду массовое поведение. Можно заметить далее, что поведение массы, именно потому что оно не определяется никаким предустановленным правилом или экспектацией, является спонтанным, самобытным и элементарным. В этих отношениях масса в значительной степени схожа с толпой. В других отношениях налицо одно важное различие. Уже отмечалось, что масса не толчется и не взаимодействует так, как это делает толпа. Наоборот, индивиды отделены друг от друга и неизвестны друг другу. Этот факт означает, что индивид в массе, вместо того чтобы лишиться своего самосознания, наоборот, способен довольно сильно обострить его. Вместо того чтобы действовать, откликаясь на внушения и взволнованное возбуждение со стороны тех, с кем он состоит в контакте, он действует, откликаясь на тот объект, который привлек его внимание, и на основании пробужденных им порывов.

Природа массового поведения. Это поднимает вопрос о том, каким образом ведет себя масса. Ответ обусловлен стремлением каждого индивида ответить на собственные нужды. Форма массового поведения парадоксальным образом выстраивается из индивидуальных линий деятельности, а не из согласованного действия. Эти индивидуальные деятельности в первую очередь выступают в форме выборов — таких, например, как выбор новой зубной пасты, книги, пьесы, партийной платформы, новой моды, философии или религиозных убеждений, — выборов, которые являются откликом на неясные порывы и эмоции, пробуждаемые объектом массового

интереса. Массовое поведение даже в качестве некой совокупности индивидуальных линий поведения может приобрести важное значение. Если эти линии сходятся, влияние

185

массы может быть огромным, как это показывают далеко идущие воздействия на общественные институты, вытекающие из сдвигов в избирательных интересах массы. Из-за подобных сдвигов в интересах или вкусах может потерпеть крах какая-нибудь политическая партия или же коммерческое предприятие.

Когда массовое поведение организуется, например, в какое-нибудь движение, оно перестает быть массовым поведением, но становится по природе своей общественным (societal). Вся его природа меняется, приобретая некую структуру, некую программу, некие определяющие традиции, предписанные правила, культуру, определенную внутригрупповую установку и определенное «мы — сознание». Именно по этой причине мы подобающим образом ограничили его теми формами поведения, которые и были описаны выше.

Возрастающее значение массового поведения. В современных — городских и промышленных — условиях жизни массовое поведение вышло на первый план по росту своего масштаба и значения. Это в первую очередь обусловлено действием тех факторов, которые обособили людей от их локальных культур и локального группового окружения. Миграции, перемены местожительства, газеты, кино, радио, образование — все это способствовало тому, чтобы индивиды срывались с якорей своих традиций и бросались в новый, более широкий мир. Сталкиваясь с этим миром, они были вынуждены каким-то образом приспособливаться, исходя из совершенно самостоятельных выборов. Совпадение их выборов сделало массу могучей силой. Временами ее поведение приближается к поведению толпы, особенно в условиях возбуждения. В таких случаях оно подвержено влиянию тех или иных возбужденных призывов, появляющихся в прессе или по радио, — призывов, которые играют на примитивных порывах, антипатиях и традиционных фобиях. Это не должно заслонять тот факт, что масса может вести себя и без такого стадного неистовства. Гораздо большее влияние на нее может оказывать художник или писатель, которым удается прочувствовать смутные эмоции массы, выразить и артикулировать их.

Примеры массового поведения. Чтобы прояснить природу массы и массового поведения, можно вкратце рассмотреть ряд примеров. Золотая или земельная лихорадка иллюстрирует многие черты массового поведения. Люди, участвующие в них, обычно самого разного происхождения; вместе они составляют некий разнородный конгломерат. Так, участники Клондайкской лихорадки или Оклахомского земельного бума происходили из самых разных мест и областей. В период лихорадки каждый индивид (или в лучшем случае семья) имел собственную цель, поэтому между участниками наблюдались минимум кооперации и очень мало чувства преданности или лояльности. Каждый старался опередить другого, и каждый должен был заботиться только о себе. Как только лихорадка получает ход, налицо минимум

185

дисциплины и никакой организации для того, чтобы установить порядок. В этих условиях легко наблюдать, как лихорадка превращается в повальное бегство или панику.

Массовая реклама. Несколько дополнить наше понимание природы массового поведения позволяет краткое рассмотрение массовой рекламы. В такой рекламе призыв должен быть адресован анонимному индивиду. Отношение между рекламой и предполагаемым покупателем прямое — нет никакой организации или руководства, которые могли бы, так сказать, выдать корпус покупателей продавцу. Вместо этого каждый индивид действует на основании своего собственного выбора. Покупатели представляют собой некую разнородную группу, происходящую из многих общин и слоев общества; в качестве членов массы, однако, по причине своей анонимности они являются однородными или, по существу, одинаковыми.

Пролетарские массы. То, что иногда называют пролетарскими массами, иллюстрирует другие черты массы. Они представляют собой некую крупную популяцию, обладающую малой степенью организации и малоэффективным сообщением. Такие люди были обычно вырваны с корнями из какой-то устоявшейся групповой жизни. Они обычно сбиты с толку, обеспокоены,

пусть даже это выражается в форме смутных надежд или перемены вкусов и интересов. Как следствие, в их поведении много поиска наощупь — неопределенного процесса выбора между объектами и идеями, привлекающими их внимание.

Общественность

Природа общественности. Мы рассмотрим общественность как последнее из элементарных коллективных группирований. Термин *общественность* используется по отношению к группе людей, которые: а) сталкиваются с какой-то проблемой; б) разделяются во мнениях относительно подхода к решению этой проблемы; в) вступают в дискуссию, посвященную этой проблеме. Как таковую ее следует отличать от общественности в смысле составляющих нацию людей, в каком, например, можно говорить об общественности Соединенных Штатов, а также от приверженцев, например, какой-нибудь кинозвезды, которых также называют общественностью (*public*). Наличие проблемы, дискуссии и коллективного мнения являются отличительным признаком общественности.

Общественность как группа. Мы относим общественность к элементарным и спонтанным коллективным группированием потому, что она возникает не в результате замысла, а в качестве естественного отклика на определенную ситуацию. На то, что общественность не существует в качестве устоявшейся группы и что ее поведение не предписывается никакими традициями или культурными моделями, указывает тот факт, что ее существование основано на наличии определенной проблемы. Поскольку эти

187

вопросы разнообразны, разнообразными являются и соответствующие общественности. А факт существования определенной проблемы означает наличие такой ситуации, которая не может быть разрешена на основе какого-то культурного правила, но только на основе коллективного решения, достигнутого в процессе дискуссии. В этом смысле общественность есть спонтанное и непредустановленное группирование.

Характерные черты общественности. Этот элементарный и спонтанный характер общественности может быть лучше понят, если обратить внимание на то, что общественности, подобно толпе и массе, недостает характерных черт общества. Существование какой-то проблемы означает, что группа должна действовать; отсутствуют, однако, представления, определения и правила, предписывающие, чем должно быть это действие. Если бы они были, то и не было бы, конечно же, никакой проблемы. Именно в этом смысле мы можем говорить, что у общественности нет никакой культуры — никаких традиций, которые диктовали бы, каким быть ее действию.

Далее, поскольку общественность возникает только вместе с какой-то проблемой, она не имеет формы или организации общества. В ее рамках люди не имеют никаких фиксированных статусных ролей. Нет у общественности также и никакого сопереживания (*we-feeling*) или сознания своей идентичности. Вместо этого общественность выступает как разновидность некой аморфной группы, размер и состав членов которой меняются вместе с проблемой; вместо того чтобы заниматься заранее обусловленной и предписанной деятельностью, она предпринимает попытку прорваться к действию и, таким образом, вынуждена сама творить свое действие.

Общественность отличают разногласия и, как следствие, *дискуссия* относительно того, что следует делать. Это факт подразумевает ряд обстоятельств.

С одной стороны, он указывает на то, что взаимодействие, имеющее место среди общественности, заметно отличается от взаимодействия в толпе. Толпа толчется, устанавливает контакт и достигает единодушия, не ограниченного никакими разногласиями. Общественность взаимодействует на основе истолкования, вступает в спор и, следовательно, характеризуется конфликтными отношениями. Соответственно индивиды внутри общественности скорее интенсифицируют свое самосознание и обостряют свои способности к критическим суждениям, чем теряют их, как это имеет место внутри толпы. На уровне общественности происходят выдвижение каких-то аргументов, их критика и столкновение с контраргументами. Взаимодействие, таким образом, способствует противопоставлению, а не взаимной поддержке и

единодушию, характеризующим толпу.

С другой стороны, интересно, что эта дискуссия, основанная на различии, показывает определенное предпочтение фактов и способствует рациональному обсуждению. И если даже, как мы

188

увидим, взаимодействие отстоит достаточно далеко от реализации этих характеристик, все же основная тенденция действует в их направлении. В толпе преобладают толки и театральные эффекты внушения; присутствие же оппозиции и разногласий в общественности означает, что предметам споров брошен вызов и они стали объектом критики. В связи с нападками, которые грозят их подорвать, подобные предметы должны обосновываться или пересматриваться в свете критики, которую нельзя игнорировать. Поскольку факты могут подтвердить их обоснованность, постольку они должным образом оцениваются; постольку дискуссия содержит аргументацию, постольку значительную роль приобретает рациональное обсуждение.

Поведенческие модели общественности. Теперь мы можем рассмотреть вопрос о том, каким образом общественность действует. Этот вопрос особенно интересен потому, что общественность не действует так, как толпа, масса или общество. Общество умеет действовать, следуя какому-то предписанному правилу или консенсусу, толпа — устанавливая контакт, а масса — путем совпадения индивидуальных выборов. Общественность же сталкивается в некотором смысле с дилеммой: как стать неким единством, если на деле она разделена; как действовать согласованно, если налицо разногласия относительно того, каким должно быть действие. Общественность приобретает свой особый тип единства и возможность действовать, благодаря достижению какого-то коллективного решения или выработке какого-то коллективного мнения. Поэтому становится необходимым рассмотреть природу общественного мнения и способы его формирования.

Общественное мнение

Общественное мнение следует рассматривать как некий коллективный продукт, но в качестве такового оно не является каким-то единодушным мнением, с которым согласен каждый составляющий общественность индивид, и не обязательно — мнением большинства. Будучи коллективным мнением, оно может быть (и обычно бывает) отличным от мнения некоторых групп общественности. Вероятно, оно может пониматься как некое мнение, составленное из нескольких мнений, имеющих место в общественности, а лучше — как центральная тенденция, установленная в борьбе между этими отдельными мнениями и, следовательно, оформленная соответствующей силой противодействия, которая между ними существует. В этом процессе мнение какого-либо меньшинства может оказывать гораздо большее влияние на формирование коллективного мнения, чем взгляды большинства. Будучи коллективным продуктом, общественное мнение представляет всю общественность в ее готовности к действию по решению проблемы и как таковое делает возможным согласованное действие, которое не обязательно основано на

189

консенсусе, контакте или случайном совпадении индивидуальных выборов. Общественное мнение всегда движется по направлению к какому-то решению, пусть даже оно и не бывает иногда единодушным.

Универсальность речи. Формирование общественного мнения происходит через открытие и принятие дискуссии. Аргументы и контраргументы становятся средством, при помощи которого оно оформляется. Чтобы этот процесс дискуссии развивался, для общественности существенно иметь то, что было названо универсальностью речи, т. е. владеть каким-то общим языком или способностью соглашаться относительно значения каких-то основных терминов. Если люди неспособны понимать друг друга, дискуссия и аргументация не только бесплодны, но и невозможны. Сегодня общественной дискуссии, особенно по определенным проблемам национального масштаба, очевидно, препятствует отсутствие какой-либо универсальности речи. Далее, если входящие в общественность группы или партии занимают какие-то догматические и

сектантские позиции, публичная дискуссия погружается в застой, ибо такие сектантские установки равносильны отказу принимать точки зрения друг друга и изменять свою собственную позицию перед лицом нападков или критики. Формирование общественного мнения предполагает, что люди разделяют переживания своих ближних и готовы идти на компромиссы и уступки. Только следуя по этому пути, общественность, сама по себе разделенная, может начать действовать в качестве какого-то единства.

Заинтересованные группы. Общественность обычно состоит из заинтересованных групп и какого-то более отрешенного и незаинтересованного корпуса схожих со зрителями индивидов. Проблема, которая созидает общественность, обычно ставится состоящимися заинтересованными группами. Эти заинтересованные группы обладают некоей непосредственной частной озабоченностью относительно способа решения этой проблемы, и поэтому они стараются завоевать поддержку и лояльность со стороны внешней незаинтересованной группы. Это ставит незаинтересованную группу, как отметил Липман, в позицию судьи или арбитра. Именно ее расположение (*alignment*) и определяет обычно, какой из соревнующихся планов скорее всего и наиболее широко будет учтен в результирующем действии. Это стратегическое и решающее место, занимаемое теми, кто не входит непосредственно в заинтересованные группы, означает, что общественная дискуссия в первую очередь ведется именно среди них. Заинтересованные группы стремятся оформить и установить мнения этих относительно незаинтересованных людей.

С этой точки зрения понятна переменчивость общественного мнения, а также использование средств воздействия на него, как, например, пропаганды, которая разрушает рациональную общественную дискуссию. Какое-то определенное общественное мнение скорее всего размещается где-то между в высшей степени

190

эмоциональной и предвзятой точкой зрения и в высшей степени разумным и обдуманном мнением. Другими словами, публичная дискуссия может вестись на различных уровнях, с различной степенью основательности и ограниченности. Усилия, предпринимаемые заинтересованными группами с целью оформления общественного мнения, могут в первую очередь быть попытками возбудить или установить некие эмоциональные установки или же снабдить дезинформацией. Именно эта черта заставила многих исследователей общественного мнения отрицать его рациональный характер и подчеркивать его эмоциональную и иррациональную природу. Однако необходимо осознать, что уже сам процесс полемической дискуссии навязывает обсуждению определенную долю рациональности и что вследствие этого результирующее коллективное мнение характеризуется определенной рациональностью. Тот факт, что предметы спора необходимо защищать и оправдывать, а противостоящие позиции — критиковать, доказывая их несостоятельность, предполагает такие операции, как оценка, сравнение и суждение. Вероятно, правильно будет сказать, что общественное мнение рационально, но не нуждается в том, чтобы быть разумным.

Роль публичной дискуссии. Ясно, что качество общественного мнения в большой степени зависит от эффективности общественной дискуссии. В свою очередь эта эффективность зависит от доступности и гибкости механизмов массовой коммуникации, таких, как пресса, радио, общественные собрания. Основой их эффективного использования является возможность свободной дискуссии. Если некоторые из противоборствующих взглядов находятся под запретом и не могут быть представлены незаинтересованной Общественности или подвергаются какой-либо дискриминации в возможности свободно обсуждаться и обосновываться, то соответственно наблюдается вмешательство, препятствующее эффективной общественной дискуссии.

Как отмечалось выше, озабоченность заинтересованных групп легко приводит их к попыткам манипулировать общественным мнением. Это особенно верно сегодня, когда общественные проблемы так многочисленны, а возможности для обстоятельной дискуссии так ограничены. Это обстоятельство привело к использованию во все возрастающей степени пропаганды; сегодня большинство исследователей общественного мнения считают, что их главной задачей является изучение пропаганды.

Пропаганда

Пропаганда может пониматься как умышленно спровоцированная и направляемая кампания с целью заставить людей принять данную точку зрения, настроение или ценность. Ее особенность состоит в том, что, стремясь достичь эту цель, она не предоставляет беспристрастного обсуждения противоположных взглядов. Цель доминирует, а средства подчинены этой цели.

191

Таким образом, мы видим, что первичной характеристикой пропаганды является попытка добиться принятия какой-то точки зрения не на основе ее достоинств, а апелляцией к каким-то иным мотивам. Именно эта черта делает пропаганду подозрительной. В сфере общественной дискуссии и общественного обсуждения пропаганда функционирует с целью формирования мнений и суждений не на основе достоинств данного предмета, а главным образом играя на эмоциональных установках и чувствах. Ее цель — навязать некую установку или ценность, которая начинает восприниматься людьми как нечто естественное, истинное и подлинное и, таким образом, как нечто такое, что выражается спонтанно и без принуждения.

Коллективное действие через пропаганду. Важно осознать, что пропаганда стремится вызвать скорее коллективное, чем только лишь индивидуальное действие. В этом смысле ее следует отличать от рекламы, так как реклама старается влиять на индивидуальное действие. В пропаганде, напротив, налицо попытка создать некое убеждение и добиться действия в соответствии с этим убеждением. Те, кто разделяет какое-либо убеждение, более расположены действовать сообща и оказывать друг другу поддержку. С этой точки зрения всякий, кто проповедует какое-либо учение или стремится распространить какую-либо веру, является пропагандистом, так как его главной целью является не обсуждение достоинств какого-либо предмета, а насаждение данного убеждения. Ясно, что пропаганда, обладая таким характером, действует для того, чтобы положить конец дискуссии и рассуждению.

Практические правила пропаганды. Имеется ряд правил, которые, по общему признанию, обычно применяются, в пропаганде. Во-первых, конечно же, чтобы привить желаемую точку зрения или установку, необходимо привлечь к ним внимание людей. Во-вторых, объект, на который желательно обратить интерес, должен быть преподнесен в благоприятном и привлекательном свете, как, например, в рекламе. В-третьих, образы, используемые для влияния на людей, должны быть простыми и отточенными. В-четвертых, необходимо постоянное повторение лозунгов, призывов или представляемых образов. В-пятых, лучше всего вовсе не спорить, а просто твердить одно и то же вновь и вновь.

Такая простая техника считается особенно эффективной применительно к большой массе людей, чье внимание обычно легко отвлекается, а интерес легко угасает.

Основные процедуры пропаганды. Основные направления, на которых может функционировать пропаганда, однако, этим не ограничиваются и заслуживают более внимательного рассмотрения. Мы можем выделить три основных способа, которыми пропаганда, как правило, достигает своей цели. Первый состоит в простой подтасовке фактов и предоставлении ложной информации. Суждения и мнения людей, очевидно, формируются теми

192

данными, которые им доступны. Манипулируя фактами, скрывая одни и искажая другие, пропагандист может максимально способствовать формированию какой-то определенной установки.

Другое излюбленное средство пропаганды — использование внутригрупповых-внегрупповых установок. Социологам хорошо известно, что когда две какие-то группы развивают острое чувство противостояния друг другу, происходит высвобождение сильных и иррациональных эмоций. Каждая из групп стремится воспитать установки преданности и альтруизма у своих членов и вселить в них резкие чувства ненависти и вражды к чужакам. Умение использовать эту модель «внутри группы/вне группы» является первейшим требованием, предъявляемым к пропагандисту. Он должен стремиться заставить людей отождествить его

взгляды с их внутригрупповыми настроениями, а противоположные взгляды — с их внегрупповыми установками. Именно наличие этого внутригруппового/внегруппового антуража и объясняет исключительную эффективность пропаганды во время войны.

Возможно, самым замечательным методом пропагандиста является использование эмоциональных установок и предрассудков, которыми люди уже обладают. Его задача в этом случае — выстроить ассоциацию между ними и его пропагандистской миссией. Таким образом, если он сумеет связать свои взгляды с определенными благоприятными установками, которыми люди уже обладают, эти взгляды завоюют признание. И точно так же, если противоположные взгляды смогут быть связаны с неблагоприятными установками, они скорее всего будут отвергнуты. Мы часто наблюдаем использование этого приема в современных дискуссиях. Делаются попытки отождествить предметы спора с такими благозвучными стереотипами, как демократия, спасение конституции и индивидуальная свобода, а противоположные утверждения с такими стереотипами, как коммунизм и антиамериканизм. Функционирование пропаганды в первую очередь выражается в игре на эмоциях и предрассудках, которыми люди уже обладают.

Изобретательность пропагандиста. Если и возможно указать простые правила, которым следует пропаганда, а также психологические механизмы, используемые ею, важно все-таки осознать, что в первую очередь она зависит от изобретательности. В каждой конкретной ситуации необходимо учитывать ее особенность; прием, приводящий к успеху в одной ситуации, может не представлять совершенно никакой ценности в другой. В этом смысле пропаганда подобна убеждению при непосредственных, лицом к лицу, контактах; многое зависит от интуиции и искусной изобретательности.

Конфликтующие пропаганды. Без сомнения, в настоящее время наблюдается возрастающее использование пропаганды в общественной жизни, и этот фактор, несомненно, повлиял как на природу общественного мнения, так и на способ его формирования. Это влияние привело многих к разочарованию в пригодности

193

демократического механизма. Однако важно осознать, что наличие пропаганды и контрпропаганды опять-таки поднимает какую-то проблему и приводит к тому дискуSSIONному процессу, о котором мы говорили выше. Ибо когда действуют конфликтующие и противостоящие пропаганды, сцена отдается их логической дуэли, в которой предпочтение отдается фактам, и рациональное обсуждение вступает в свои права. С этой точки зрения можно понять замечание, что пропаганда вредна и опасна только тогда, когда налицо лишь *одна* пропаганда.

Общественность, толпа и масса

Прежде чем завершить обсуждение общественности, следует отметить, что в определенных условиях общественность может превратиться в толпу. Почти любая пропаганда стремится каким-либо образом осуществить это. Когда люди, составляющие общественность, возбуждены апелляцией к какому-либо общему для них настроению, они начинают толочься и устанавливать контакт. Тогда они выражают себя в форме общественного настроения, а не общественного мнения. В современной жизни, однако, как кажется, тенденция к превращению общественности в толпу слабее тенденции к ее подмене массой. Растущий отрыв людей от своих корней, умножение общественных проблем, распространение механизмов массовой коммуникации вместе с другими факторами привели к тому, что люди все чаще стали действовать скорее по индивидуальному выбору, нежели участвуя в каких-то общественных дискуссиях. Это настолько реально, что во многих случаях общественность и масса перемешиваются друг с другом. Этот факт вносит путаницу в сферу современного коллективного поведения и затрудняет его анализ.

Коллективные группирования и социальное изменение. Обсуждая элементарные коллективные группирования, мы рассмотрели действующую толпу, экспрессивную толпу, массу и общественность. Существуют и другие примитивные группирования, которые мы можем здесь упомянуть лишь вкратце: паника, повальное бегство, забастовка, бунт, комитет «бдительности

народного правосудия», шествие, культ, мятежи и восстания. Большинство из этих группирований представляет собой разновидности толпы; каждое из них действует при помощи примитивных механизмов коллективного поведения, которые мы описали. Подобно четырем рассмотренным большим типам, они не являются обществами, а действуют вне регулирующих рамок правил и культуры. Они элементарны, естественны, спонтанны и возникают в определенных подходящих обстоятельствах.

Появление элементарных коллективных группирований указывает на какой-то процесс социального изменения. Они обладают двойственным характером, предполагая интеграцию старого и появление нового. Они играют важную роль в развитии нового коллективного поведения и новых форм социальной жизни.

194

Точнее, типичные механизмы примитивной ассоциации, которые они демонстрируют, играют важную роль в формировании нового социального порядка.

Теперь мы обратимся именно к этой проблеме формирования нового социального порядка. В нашу задачу войдет рассмотрение в первую очередь социальных движений, благодаря которым выстраиваются и кристаллизуются в фиксированные социальные формы новые типы коллективного поведения.

Социальные движения

Социальные движения можно рассматривать как коллективные предприятия, нацеленные на установление нового строя жизни. Их начало коренится в состоянии беспокойства, а движущая сила проистекает, с одной стороны, из неудовлетворенности настоящей формой жизни, а с другой — из желаний и надежд на какое-то новое устройство существования. Путь развития социального движения показывает возникновение нового строя жизни. В своем начале социальное движение аморфно, плохо организовано и не имеет формы; коллективное поведение находится на примитивном уровне, который мы уже рассмотрели, а механизмы взаимодействия, о которых мы также уже говорили, элементарны и спонтанны. По мере того как социальное движение развивается, оно принимает характер общества. Оно приобретает организацию и форму, корпус обычаев и традиций, упрочившееся руководство, постоянное разделение труда, социальные правила и социальные ценности — короче, культуру, социальную организацию и новое устройство жизни.

Наше исследование социальных движений коснется трех их видов — общих, специфических и экспрессивных социальных движений³.

Общие социальные движения

Новые культурные направления. Под общими социальными движениями мы подразумеваем такие движения, как рабочее, молодежное, женское и движение за мир. Их основу составляют последовательные и всеобъемлющие изменения человеческих ценностей — изменения, которые могут быть названы культурными течениями. Эти культурные течения символизируют какие-то

195

общие сдвиги в мышлении людей, и особенно по линии тех представлений, которые они имеют о самих себе, а также о своих правах и привилегиях. За какой-то период времени множество людей может развить какую-то новую точку зрения на свои права — точку зрения, главным образом основанную на желаниях и надеждах. Это означает возникновение некоторого нового набора

³ Мимоходом внимание привлекают пространственные движения: движения кочевников, варварские вторжения, крестовые походы, паломничества, колонизация и миграции. Такие движения могут совершаться обществами, как в случае племенных миграций; различными народами, обладающими какой-то общей целью, как в случае носивших религиозный характер крестовых походов в средние века; или индивидами со схожими целями, как в большинстве случаев иммиграции в США. С механизмами их коллективного действия мы будем иметь дело при дальнейшем обсуждении социальных движений. Сами же по себе подобные движения слишком сложны и разнообразны, чтобы можно было адекватно рассмотреть их здесь.

ценностей, которые влияют на тот способ, каким люди представляют себе свою собственную жизнь. Примерами таких культурных течений в нашей собственной недавней истории являются возросшая ценность здоровья, вера в свободное образование, расширение права голоса, эмансипация женщин, растущее внимание к детям и растущий престиж науки.

Неопределенные образы и поведение. Развитие новых ценностей, порождаемых подобными культурными течениями, включает в себе некоторые психологические изменения, которые обеспечивают общие социальные движения мотивацией. В общих чертах они означают, что люди пришли к формированию новых представлений о самих себе, которые не согласуются с их реальным положением в жизни. Они приобретают новые предрасположения и интересы и соответственно становятся восприимчивы к движению в новых направлениях; и наоборот, они начинают испытывать неудовлетворение там, где прежде его не было. Эти новые образы самих себя, которые люди начинают развивать, откликаясь на культурные течения, расплывчаты и неопределенны. Соответственно и поведение, выступающее в качестве отклика на подобные образы, также неопределенно и не имеет никакой ясной цели. Именно эта черта дает ключ к пониманию общих социальных движений.

Характеристики общих социальных движений. Общие социальные движения приобретают форму нащупывания (groping) и некоординированных попыток. У них есть только какое-то общее направление, в котором они продвигаются медленно, спотыкаясь, но настойчиво. Эти движения неорганизованны, не имеют ни устоявшегося руководства, ни признанного членского состава; им свойственна низкая степень управления и контроля. Такие черты общих социальных движений характерны, например, для женского движения, имеющего общую и расплывчатую цель эмансипации женщин. Женское движение, как и все общие социальные движения, направляет свою деятельность на самые разные области — дом, брак, образование, промышленность, политику, путешествия — и в каждой сфере представляет собой поиск такого переустройства, которое отвечало бы новой концепции статуса женщины. Такое движение является эпизодическим в своем развитии и состоит из весьма разрозненных проявлений активности. Оно может выказать значительный энтузиазм в одном пункте, неохоту и инерцию — в другом; оно может преуспеть в одной сфере и никак не проявить себя в другой. Вообще, можно сказать, что его развитие очень неровно, сопровождается задержками, отступлениями и частыми возвращениями к прой-

196

денным этапам. В одно время толчок к движению может исходить от людей из одного места, в другое — из другого. В целом движение, как правило, осуществляется множеством известных и неизвестных людей, которые борются в самых различных сферах, причем их борьба и достижения не становятся повсеместно известными.

Общее социальное движение обычно характеризуется соответствующей литературой, но она так же разнообразна и неопределенна, как и само движение. Она, как правило, представляет собой выражение протеста с неким общим описанием какого-либо утопического существования. Будучи таковой, она неясно набрасывает очертания философии, основанной на новых ценностях и самопредставлениях. Подобная литература имеет большое значение, распространяя какой-то призыв или взгляд, каким бы неопределенным он ни был, и, таким образом, внушая какие-то идеи, пробуждая надежды и возбуждая недовольство. Схожим образом лидеры общего социального движения играют важную роль не в смысле осуществления руководящего контроля над движением, а в смысле задающих темп. Эти лидеры являются «вопиющими в пустыне», пионерами без какой-либо прочной группы последователей, часто не очень ясно отдающими себе отчет в собственных целях. Однако их пример помогает развить восприимчивость, возбудить надежды и сломить сопротивление.

По этим чертам легко можно понять, что общие социальные движения развиваются главным образом неформально, неприметно и в значительной степени неофициально. Их средствами взаимодействия являются прежде всего чтение, беседы, разговоры, дискуссии и следование примерам. Их достижения и действия сосредоточены скорее в сфере индивидуального опыта, чем в заметной со стороны и согласованной деятельности групп.

Представляется очевидным, что общее социальное движение в значительной степени подчинено механизмам массового поведения, которые мы описали в своем исследовании массы. Особенно на своих ранних стадиях общие социальные движения скорее всего оказываются просто некими конгломератами индивидуальных линий поведения, основанных на индивидуальных решениях и выборах. Как это характерно для массы и массового поведения, общие социальные движения достаточно бесформенны по организации и нечленораздельны по выражению.

Основа специфических социальных движений. Подобно тому как культурные течения обеспечивают основу, на которой возникают общие социальные движения, общее социальное движение составляет фундамент, на котором развиваются специфические социальные движения. Действительно, специфическое социальное движение можно рассматривать как кристаллизацию значительной доли мотивации неудовлетворенности, надежды и желаний, пробужденных общим социальным движением, и сосредоточение этой мотивации на какой-либо специфической цели. Подходящей иллюстрацией может служить движение за

197

отмену рабства, которое было в значительной степени индивидуальным выражением широко распространенного гуманистического движения XIX века. Осознав взаимоотношения между общим и специфическим социальным движением, мы можем обратиться к анализу последнего.

Специфические социальные движения

Характеристики. Выделяющимися примерами этого типа движений являются реформистские и революционные движения. Специфическое социальное движение — это движение, обладающее четко определенной целью, которую оно стремится достичь. В этом усилии оно развивает свою организацию и структуру, что делает его, по существу, обществом. Оно развивает признанное и принятое руководство и определенный членский состав, характеризующийся «мы — сознанием». Оно формирует некий корпус традиций, некий преобладающий набор ценностей, какую-то философию, определенные наборы правил и совокупность общих экспектаций. Его члены преданны и верны друг другу. Внутри него развивается определенное разделение труда, особенно в форме какой-то социальной структуры, в которой индивиды занимают определенные статусные позиции. Таким образом, индивиды развивают индивидуальности и представления о самих себе, образуя индивидуальный диалог социальной структуры.

Социальное движение специфического типа не возникает с такими структурой и организацией в уже готовом виде. Наоборот, его организация и его культура развиваются в процессе его становления. Необходимо рассматривать социальные движения в этой временной и эволюционной перспективе. В своем начале социальное движение слабо организовано и характеризуется импульсивным поведением. У него нет никакой ясной цели; поведение и мышление его приверженцев в значительной степени находятся под влиянием чувства беспокойства и коллективного возбуждения. Однако по мере того как социальное движение развивается, его функционирование, поначалу бывшее распыленным, стремится стать организованным, собранным и постоянным. Можно в общих чертах выделить определенные стадии в процессе развития социального движения, которые представляют собой ступени роста его организации. Схема из четырех стадий была предложена Доусоном и Геттисом⁴. Это стадии социального беспокойства, всеобщего (popular) возбуждения, формализации и институционализации.

Стадии развития. На первой из этих четырех стадий люди испытывают чувства беспокойства, тревоги и действуют тем непредсказуемым образом, который мы уже описали. Они

198

восприимчивы к призывам и внушениям, которые апеллируют к недовольству, и поэтому агитатор на этой стадии, вероятно, будет играть важную роль. Значение суматошного и беспорядочного поведения состоит в том, что оно делает людей чувствительными друг к другу и

⁴ Dawson C.A., Gellys W. E. Introduction to Sociology. N. Y. 1935.

тем самым дает возможность сфокусировать их чувство беспокойства на каких-то определенных объектах. Стадия всеобщего возбуждения еще в большей степени отмечена толчеей, но она уже не столь беспорядочна и бесцельна. Возникают более определенные представления о причинах своего состояния и о том, что должно быть сделано на пути к социальному изменению. Так происходит уточнение целей. На этой стадии лидер скорее всего выступает в качестве пророка или реформатора. На стадии формализации движение становится более четко организованным различными правилами, политикой, тактикой и дисциплиной. Здесь лидер приобретает, очевидно, черты государственного деятеля. На институциональной стадии наблюдается кристаллизация движения в фиксированную организацию с определенным составом и структурой, предназначенную для осуществления целей этого движения. Здесь лидер становится, очевидно, администратором. При рассмотрении развития специфического социального движения нас меньше интересует анализ тех стадий, через которые оно проходит, нежели механизмы и способы, посредством которых подобное движение может вырастать и организовываться.

Эти механизмы удобно сгруппировать в 5 пунктов: 1) агитация; 2) развитие *esprit de corps*⁵; 3) развитие морали; 4) формирование идеологии; 5) развитие рабочей тактики.

Роль агитации. Агитация имеет важнейшее значение в социальном движении. Она играет наиболее значительную роль в начале и на ранних стадиях движения, хотя может присутствовать и на позднейших этапах жизненного цикла движения. Как явствует из самого этого термина, агитация возбуждает людей и таким образом делает из них возможных сторонников движения. В основе своей это способ возбуждения людей и пробуждения в них новых порывов и идей, которые делают их беспокойными и неудовлетворенными. Следовательно, она направлена на ослабление их прежних привязанностей и на подрыв их прежних образов мышления и действия. Чтобы какое-то движение началось и получило импульс развития, необходимо, чтобы люди отошли от своих обычных способов мышления и чтобы в них пробудились новые порывы и желания. Именно на это и направлена агитация. Чтобы быть успешной, она должна, во-первых, завоевать внимание людей; во-вторых, взволновать их и пробудить некие эмоции и порывы; в-третьих, дать этим порывам и эмоциям какое-то направление — посредством идей, внушения, критики и обещаний. Агитация действует в ситуациях двух видов.

199

Первый вид ситуаций отмечен злоупотреблениями, неправомерной дискриминацией и несправедливостью, но это те ситуации, где люди принимают такой способ жизни как некую данность и не ставят его существование под вопрос. Эта ситуация потенциально чревата страданием и протестом, но людям свойственна инерция; их взгляды на ситуацию, в которой они находятся, склоняют их к ее принятию. Отсюда функция агитации — заставить их бросить вызов своему образу существования и поставить его под вопрос. Именно в такой ситуации агитация может создать социальное беспокойство там, где прежде ничего подобного не было. Другой тип ситуаций характеризуется тем, что люди уже возбуждены, охвачены чувством беспокойства и недовольства, но либо слишком робки, чтобы действовать, либо не знают, что делать. В этой ситуации функция агитации — не столько посеять семена беспокойства, сколько усилить, высвободить и направить то напряжение, которое уже имеется у людей.

Агитаторы, очевидно, делятся на два типа, примерно соответствующие этим двум типам ситуаций.

Одним типом агитатора является возбужденный, беспокойный и агрессивный человек. Его динамичное и энергичное поведение привлекает к нему внимание людей; им передаются его возбуждение и беспокойство. Он склонен действовать, прибегая к драматическим жестам, и выражать свои мысли, используя театральные эффекты. Его появление и поведение питают инфекцию беспокойства и возбуждения. Этот тип агитатора пользуется, очевидно, наибольшим успехом в ситуации, где люди уже взволнованы и выбиты из колеи; в этих условиях его собственная возбужденная и энергичная деятельность легко может передаваться другим людям, которые восприимчивы к такому поведению и уже расположены к возбудимости.

Второй тип агитатора более холоден, спокоен и величав. Он волнует людей не тем, что

⁵ Корпоративный дух. — *Прим. перев.*

делает, а тем, что говорит. Он может быть скупым на слова, но способным говорить острые, едкие и язвительные вещи, которые «проникают под кожу» людей и заставляют их взглянуть на обсуждаемое в новом свете. Этот тип агитатора больше соответствует первой из описанных социальных ситуаций — ситуации, в которой люди терпят лишения или дискриминацию, не вырабатывая при этом никаких установок возмущения. В этой ситуации его функция — заставить людей задуматься над своим положением, над неравенством, недостатками и несправедливостями, которыми, очевидно, отмечен их удел. Он заставляет их поставить под вопрос то, что они раньше принимали как должное, и сформировать новые желания, склонности и надежды.

Функция агитации, как отмечено выше, частично состоит в том, чтобы взволновать и выбить людей из колеи и таким образом освободить их для движения в новых направлениях. Если говорить конкретнее, она направлена на изменение представлений людей о самих себе, о своих правах и обязанностях. Подобные

200

новые представления, предполагающие уверенность человека в том, что он имеет законные права на те привилегии, которых он лишен, обеспечивают социальному движению основную мотивационную силу. Агитация как способ насаждения этих новых представлений среди людей приобретает, таким образом, коренное значение для любого социального движения.

Здесь можно сделать короткое замечание относительно тактики агитации. Достаточно сказать, что тактика агитации меняется в соответствии с ситуацией, людьми и культурой. Какая-либо процедура, которая может быть в высшей степени успешной в одной ситуации, в другой может оказаться просто смехотворной. Это обстоятельство ставит проблему отождествления различных типов ситуаций и соответствия каждой из них подходящей формы агитации. Практически ни одного исследования не было посвящено этой проблеме. Здесь мы можем лишь ограничиться трюизмом: агитатор, чтобы действовать успешно, должен чувствовать мысли, интересы и ценности своих слушателей.

Развитие esprit de corps. Агитация есть просто способ возбуждения интереса людей и привлечения их, таким образом, к участию в каком-то движении. Хотя она служит для вербовки членов, дает начальный толчок и определяет некое направление, сама по себе она никогда не смогла бы организовать и поддерживать движение. Коллективные деятельности, основанные просто на агитации, будут спорадическими, бессвязными и недолговечными. Чтобы придать социальному движению прочность и постоянство, должны вступить в действие другие механизмы. Один из них — развитие *esprit de corps*.

Esprit de corps может пониматься как процесс организации эмоций в интересах движения. Сам по себе он есть чувство сопринадлежности и солидарности людей друг с другом в каком-то общем предприятии. Его основу составляет состояние контакта. Развивая чувства близости и сопричастности, люди должны чувствовать, что разделяют какое-то общее переживание и образуют какую-то избранную группу. В присутствии друг друга они ведут себя непринужденно и чувствуют себя товарищами. Ломается личная настороженность, исчезают чувства чуждости, обособленности и отчуждения. В таких условиях отношения приближаются к кооперации, сменяя межличностную конкуренцию. Поведение одного стремится облегчить выражение (*release*) поведения других, сменяя стремление сдерживать это поведение или воспрепятствовать ему; в этом смысле каждый человек стремится вдохновить других. Такие условия взаимной симпатии и отзывчивости со всей очевидностью способствуют согласованному поведению.

Esprit de corps важен для социального движения и по другим причинам. Весьма знаменателен тот факт, что он служит для подкрепления нового представления о себе самом, которое индивид сформировал в результате своего участия в движении. Его чувство сопричастности с другими, а их — с ним дарует ему

201

ощущение коллективной поддержки. Таким путем поддерживаются и укрепляются его взгляды на самого себя и на цели движения. Отсюда следует, что развитие *esprit de corps* помогает воспитать привязанность людей к движению. Чувства каждого индивида направлены на цели

движения и переплетены с ними. Результирующее чувство возрастания своей значимости, которое он испытывает, действует в направлении еще большей преданности движению. Должно быть ясно, что *esprit de corps* является важным способом развития чувства сплоченности и тем самым придания сплоченности движению.

Как развивается *esprit de corps* в социальном движении? Главным образом, очевидно, тремя путями: развитием внутригруппового / внегруппового отношения, формированием неформальной товарищеской ассоциации и участием в формальном церемониальном поведении.

Внутригрупповые / внегрупповые отношения. Природа внутригруппового / внегруппового отношения должна быть знакома исследователю. Оно имеет место, когда две группы начинают считать друг друга врагами. В такой ситуации каждая группа полагает себя носительницей добродетели и развивает среди своих членов чувства альтруизма, лояльности и верности. Другая группа рассматривается в качестве беспринципной и злонамеренной, подвергающей нападкам те ценности, которые дороги внутренней группе. Перед лицом внешней группы члены внутренней группы не только чувствуют, что они правы и справедливы, но и верят, что несут общую ответственность за защиту и сохранность своих ценностей.

Ценность этих внутригрупповых / внегрупповых установок для развития сплоченности в социальном движении достаточно ясна. Вера их членов в то, что движению несправедливо и не по праву противостоят злонамеренные и беспринципные группы, служит сплочению этих членов вокруг своих целей и ценностей. Наличие врага в этом смысле очень важно для придания движению сплоченности. Кроме того, враг играет важную роль «козла отпущения». Движению выгодно развить образ врага; это развитие обычно происходит спонтанно. Однажды созданный, он содействует установлению *esprit de corps*.

Неформальное товарищество. *Esprit de corps* формируется также в весьма значительной степени путем развития неформальной ассоциации на основе товарищества. Там, где люди могут неформально сходитьсь подобным образом, они имеют возможность узнать друг друга как человеческие существа, а не институциональные символы. Так они оказываются в гораздо лучшем положении, чтобы принимать роли друг друга и незаметно для себя разделять переживания друг друга. Представляется, что при таких взаимоотношениях люди бессознательно перенимают и усваивают жесты, установки, ценности и жизненную философию друг друга. Непосредственным результатом этого является развитие взаимной симпатии и чувства близости, что очень

202

способствует сплоченности. Итак, мы встречаем в социальных движениях возникновение и использование множества видов неформальной и общинной (*communal*) ассоциации. Пение, пляски, пикники, шутки, веселье и неформальная дружеская беседа являются в социальном движении важными механизмами такого рода. Благодаря им индивид получает чувство собственного статуса и чувство социального признания и поддержки взамен прежнего одиночества и личностного отчуждения.

Церемониальное поведение. Третьим важным путем развития социальными движениями *esprit de corps* является использование формального церемониального поведения и ритуала. Ценность массовых митингов, собраний, парадов, массовых демонстраций и юбилейных церемоний всегда была очевидна для тех, на кого возложена задача развития какого-либо социального движения; эта ценность имеет форму чувства широкой поддержки, которую испытывает участник крупных собраний. Психология, представленная здесь, — это психология парада. У индивидуального участника возрастает самооценка, и в результате он ощущает себя исключительно важной персоной. Поскольку это чувство личной значительности оказывается отождествленным с движением как таковым, оно содействует развитию *esprit de corps*. Схожим образом и ритуальная атрибутика, имеющаяся у каждого движения, служит воспитанию чувства всеобщего тождества и симпатии. Эта атрибутика состоит из набора эмоциональных символов, таких, как лозунги, песни, здравицы, гимны, стихи, выразительные жесты и униформа. У каждого движения есть что-либо подобное. Поскольку они приобретают эмоциональное значение, символизируя общие чувства по отношению к движению, их использование служит

постоянному воспроизводству и усилению этих общих чувств.

Таким образом, *esprit de corps* можно рассматривать в качестве определенной организации группового чувства и, по существу, в качестве определенной формы группового энтузиазма. Это не то, что сообщает движению жизнь. Но точно так же как одной агитации недостаточно для развития какого-либо движения, недостаточно и опоры на один только *esprit de corps*. Движение, всецело зависящее от *esprit de corps*, обычно похоже на какой-нибудь бум и, как правило, разваливается, столкнувшись с серьезным кризисом. Поскольку преданность, которую внушает такое движение, основана исключительно на повышенном энтузиазме, она, как правило, исчезает вместе с упадком подобного энтузиазма. Таким образом, чтобы преуспеть, особенно в неблагоприятной обстановке, движение должно более постоянно и устойчиво внушать лояльность. Этому способствует развитие морали.

Развитие морали. Как мы увидели, *esprit de corps* является коллективным чувством, которое сообщает движению жизнь, энтузиазм и энергию. Мораль может пониматься как нечто, дающее движению постоянство и определенность; она показывает, сможет ли сплоченность устоять в неблагоприятных условиях.

203

В этом смысле мораль может пониматься как групповая воля или устойчивая коллективная цель.

Представляется, что мораль основывается и взращивается на определенном наборе убеждений. В случае какого-либо социального движения в последних можно выделить три вида.

Первый вид — убеждение в правильности и праведности цели движения. Оно сопровождается верой в то, что достижение целей движения возвестит наступление чего-то подобного тысячелетнему царству. Когда движение достигнет своих целей, все злое, несправедливое, неподлинное и неправильное будет искоренено. В этом смысле цель всегда переоценивается. Однако эти представления придают членам движения ярко выраженную уверенность в самих себе.

Второй вид убеждений, тесно связанный с этими представлениями, — вера в конечное достижение движением своей цели. Считается, что в этом есть определенная неизбежность. Поскольку движение воспринимается как некий необходимый для возрождения мира фактор, оно считается соответствующим высочайшим моральным ценностям вселенной и в этом смысле — находящимся под божественным покровительством. Как следствие, возникает вера в неизбежность успеха, пусть даже это будет лишь после длительной и тяжелой борьбы.

Наконец, третьей частью этого комплекса убеждений является вера в то, что на движение возложена некая священная миссия.

Вместе эти убеждения придают устойчивый и неизменный характер цели движения и твердость — его усилиям. Препятствия, задержки, отступления являются поводами для новых усилий, а не для разочарования или отчаяния, поскольку они не наносят серьезного ущерба вере в праведность и неизбежность его успеха.

Из этого объяснения ясно, что развитие морали в каком-либо движении является, по существу, развитием сектантской установки и религиозной веры. Это дает ключ к пониманию наиболее известных способов построения морали в каком-то определенном движении. Один из них состоит в возникновении какого-либо культа, который ясно различим в каждом устойчивом и прочном социальном движении. Обычно имеются некий главный святой и ряд менее важных святых, выбранных среди народных вожаков движения. Гитлер, Ленин, Маркс, Мэри Бэйкер Эдди и Сунь Ятсен могут послужить подходящими примерами главных святых. Такие лидеры, по существу, обожествляются и наделяются чудесной силой. Они считаются высшими, умнейшими и непогрешимыми. Люди вырабатывают по отношению к ним установку благоговения и трепета, возмущаясь попытками описать их как обыкновенных людей. Картины и другие изображения таких людей приобретают характер религиозных идолов. Вслед за святыми движениями идут его герои и его мученики. Они также начинают рассматриваться в качестве священных фигур. Развитие этого культа святых является важным способом распространения религиозной, по

существо, веры в движение, способствующим также построению того типа убеждений, о котором говорилось выше.

Схожей функцией обладает и возникновение в движении какого-либо вероучения и священного писания. Их также можно обнаружить во всех устойчивых социальных движениях. Так, — и об этом часто говорилось, — *Das Kapital* и *Mein Kampf* стали библиями соответственно коммунистического и национал-социалистического движений. Роль вероучения и литературы этого сорта в сообщении движению религиозных убеждений должна быть ясна.

Наконец, большое значение в процессе развития морали в социальном движении принадлежит мифам. Такие мифы могут быть самого разного рода: мифы о принадлежности к какой-то избранной группе или избранному народу; о бесчеловечности своих оппонентов; о судьбе движения; описывающие тысячелетнее царство, которое явится результатом движения. Такие мифы обычно вырастают как отклики на желания и надежды людей, участвующих в движении, и приобретают в силу своего коллективного характера устойчивость, постоянство и безоговорочное признание. Главным образом именно с их помощью члены движения достигают догматической стойкости своих убеждений и стремятся оправдать свои действия перед остальным миром.

Развитие групповой идеологии. Без идеологии социальное движение будет двигаться вслепую и едва ли сможет удержаться перед лицом ожесточенной оппозиции со стороны внешних групп. Следовательно, идеология играет значительную роль в жизни движения; этот механизм является существенным для устойчивости и развития движения. Идеология движения состоит из определенного свода учения, верований и мифов. Точнее, она, очевидно, имеет следующие компоненты: во-первых, формулировка назначения, цели и предпосылок движения; во-вторых, свод суждений, содержащих критику существующей системы и приговор этой системе, которую движение подвергает нападкам и стремится изменить; в-третьих, оборонительное учение, которое служит в качестве оправдания движения и его целей; в-четвертых, свод убеждений, касающихся политики, тактики и практической деятельности движения; в-пятых, мифы движения.

Можно быть почти уверенным в том, что идеология обладает двойственным характером. С одной стороны, многое в ней имеет научный и наукообразный характер. Это та форма, которая развивается интеллектуалами движения. Как правило, она состоит из тщательно разработанных научных трудов абстрактного и в высшей степени логического характера. Она вырастает обычно в ответ на критику со стороны интеллектуалов, стоящих вне движения, и стремится завоевать своим догмам respectable и удобную позицию для обороны в этом мире высшей учености и высших интеллектуальных ценностей. Идеология, однако, имеет и другой — популярный — характер. В этом облике она стремится взывать к необразованным и к массам. В своем популярном обличье идеология принимает формы

205

эмоциональных символов, примет, (*shibboleths*), стереотипов, гладких и наглядных фраз и простонародных аргументов. Она также ведаёт догмами движения, но представляет их в такой форме, которая способствует их быстрому пониманию и усвоению.

Идеология движения может пониматься как то, что обеспечивает движению свою собственную философию и психологию. Она даёт наборы ценностей, убеждений, критических суждений, аргументов и оборонительных приемов. Как таковая она снабжает движение направлением, оправданием, оружием нападения, оружием защиты, воодушевлением и надеждой. Чтобы быть эффективной в этих отношениях, идеология должна обладать respectable и престижем — чертами, сообщаемыми ей в первую очередь интеллигенцией движения. Однако важнее этого — необходимость для идеологии отвечать на страдания, желания и надежды людей. Если идеология не соответствует этому требованию, она не будет представлять для движения никакой ценности.

Роль тактики. Мы упомянули тактику в качестве пятого основного механизма, существенного для развития социального движения. Тактика, очевидно, развивается по трем направлениям, имея целью: завоевать приверженцев, удержать их и достичь своих целей. Мало

что можно добавить к этому, если только мы не имеем дела со специфическими видами движения в специфических ситуациях. Ибо тактика всегда зависит от сущности ситуации, в которой функционирует движение, и всегда соотносится с культурным фоном движения. Эта функциональная зависимость тактики от особенностей ситуации помогает объяснить нелепые провалы, которые часто сопровождают применение определенной тактики в какой-то ситуации, даже если она оказалась успешной в других ситуациях. Применять революционную тактику в наши дни в формах тактики двухсотлетней давности было бы очевидной глупостью. Подобным образом попытка развития какого-то движения в стране с обращением к тактике, использованной в каком-то схожем движении в какой-то другой культурной среде, может привести к весьма обескураживающим результатам. Вообще, можно сказать, что тактика по определению должна быть гибкой и изменчивой, принимая форму в зависимости от природы ситуации, требований обстоятельств и изобретательности людей.

Мы можем заключить обсуждение этих пяти механизмов простым повторением того, что успешное развитие движения зависит именно от них. Именно эти механизмы устанавливают программу, вырабатывают политику, развивают и поддерживают дисциплину и пробуждают преданность.

Реформа и революция. Было отмечено, что специфические социальные движения бывают главным образом двух видов: реформистские и революционные. Оба стремятся внести изменения в социальный строй и существующие институты. Их жизненные циклы в чем-то похожи, и развитие обоих зависит от механизмов, которые мы только что обсудили. Однако между ними существует

206

ряд достойных внимания различий; некоторые из этих различий сейчас будут рассмотрены.

Эти два движения различаются *по размаху своих целей*. Реформистское движение стремится изменить какую-либо специфическую фазу или ограниченную область существующего социального строя; оно может стремиться, например, к упразднению детского труда или запрещению потребления алкоголя. У революционного движения более емкая цель: оно стремится перестроить весь социальный строй в целом.

Это различие в целях связано с *различными исходными точками нападения*. Стремясь изменить лишь часть господствующего социального строя, реформистское движение принимает основные принципы этого строя. Точнее, реформистское движение принимает существующие нравы; оно даже использует их для критики социальных пороков, на которые оно нападает. Реформистское движение отправляется от господствующего этического кодекса и завоевывает себе поддержку в немалой степени именно потому, что оно так хорошо обосновано с этической стороны. Это делает его позицию достаточно неуязвимой. Непросто атаковать какое-либо реформистское движение или реформаторов, исходя из их моральных целей; нападки обычно делаются скорее в форме карикатуры и насмешки или характеристики реформаторов как фантазеров и людей непрактичных. В противоположность этому революционное движение всегда бросает вызов существующим нравам и предлагает какую-то новую систему моральных ценностей. Таким образом оно навлекает на себя решительную атаку, ведущуюся с позиций существующих нравов.

Третье различие между двумя движениями вытекает из двух вышеупомянутых. Реформистскому движению присуща *респектабельность*. В силу признания существующего социального строя и ориентации на идеальный моральный кодекс, оно предьявляет права на существующие институты. Как следствие, оно использует эти институты — школу, церковь, прессу, клубы и правительство. И здесь революционное движение демонстрирует ярко выраженный контраст. Атакуя социальный строй и отвергая его нравы, революционное движение блокируется существующими институтами, а их использование им исключается. Таким образом, революционное движение обычно в конечном счете оттесняется в подполье; любое использование существующих институтов должно тщательно маскироваться. Вообще, какая бы агитация, вербовка и маневры ни велись революционным движением, они должны находиться вне рамок существующих институтов. В случае слишком серьезного вызова какому-

то могущественному классу или облеченным властью группам, реформистское движение, скорее всего, лишается доступа к использованию существующих институтов. Это ведет к превращению реформистского движения в революционное; его цели расширяются, включая реорганизацию институтов, блокирующих его продвижение.

Различия в позиции реформистского и революционного

207

движений приносят одно важное отличие в их общую *стратегию* (procedure; и тактику. Реформистское движение пытается развить благоприятное для своих целей общественное мнение; следовательно, оно стремится поставить какую-либо общественную проблему и использовать процесс дискуссии, который мы уже рассмотрели. Реформистскую партию можно рассматривать в качестве некой конфликтной группы, противопоставленной заинтересованным группам и окруженной массой инертного населения. Реформистское движение обращается именно к этой безразличной или незаинтересованной общественности в попытке завоевать ее поддержку. В противоположность этому революционное движение не стремится повлиять на общественное мнение, но вместо этого пытается обратиться к своей вере. В этом смысле оно действует скорее как какая-нибудь религия. Это предполагает некоторое различие групп, среди которых эти движения ведут свою агитацию и стремятся завоевать приверженцев. Реформистское движение, хотя и действует обычно от имени каких-либо страдающих или эксплуатируемых групп, немного делает для утверждения своего влияния среди них. Зато оно стремится заручиться поддержкой общественности среднего класса, стоящей в стороне от движения, и пробудить вместо этого у нее некое сочувствие к угнетенной группе. Поэтому, как правило, руководство или членский состав реформистского движения нечасто происходят из той группы, чьи интересы они представляют. Революционное движение в этом смысле отличается тем, что его агитация ведется среди тех, кто считается страдающим и эксплуатируемым. Оно старается упрочиться, включая этих людей в свои ряды. Следовательно, революционное движение обычно является движением низших классов, действующим среди неимущих.

Наконец, в силу этих характерных различий два движения расходятся и по своим функциям. Главная функция реформистского движения состоит, вероятно, не столько в осуществлении социального изменения, сколько в подтверждении идеальных ценностей данного общества. В случае революционного движения стремление расколоть мир на тех, кто имеет, и тех, кто не имеет, а затем образовать какую-то сильную, сплоченную и бескомпромиссную группу из последних делает его функцией введение некой новой системы религиозных, по существу, ценностей.

И еще одно, завершающее, замечание можно сделать по поводу специфических социальных движений. Их можно рассматривать в качестве обществ в миниатюре, и как таковые они могут представлять собой построение организованного и формализованного коллективного поведения из того, что первоначально было аморфным и неопределенным. С их ростом развивается некая социальная организация, формируются новые ценности, организуются новые индивидуальности. Они, конечно же, составляют квинтэссенцию движения. Они оставляют за собой некую институциональную структуру и корпус функционеров, новые объекты и взгляды, а также новый набор самопредставлений.

208

Экспрессивные движения

Отличительная черта экспрессивных движений. Характерной чертой экспрессивных движений является то, что они не стремятся изменить институты социального строя или их реальный характер. Напряжение и беспокойство, из которых они вырастают, не сфокусированы на какой-либо цели социального изменения, какую это движение стремилось бы достичь. Вместо этого они разряжаются в каком-либо виде экспрессивного поведения, которое, однако по мере того как оно выкристаллизовывается, может оказывать глубокое воздействие на индивидуальности людей и на характер социального строя. Мы рассмотрим два вида экспрессивных движений: религиозные движения и моду.

Религиозные движения. Религиозные движения начинаются, по существу, как культы; они берут начало в ситуации, которая психологически схожа с ситуацией танцующей толпы. Они представляют собой обращение внутрь беспокойства и напряжения в форме расстроенных чувств, которые в конечном счете выражаются в движении, предназначенном для того, чтобы разрядить это напряжение. Напряжение в этом случае находит выход не в целенаправленном действии, а в своем выражении. Эта характеристика свидетельствует о природе той ситуации, в которой возникают религиозные движения. Это такая ситуация, в которой люди расстроены и выведены из равновесия, но не в состоянии действовать; другими словами, это ситуация фрустрации. Неспособность разрядить напряжение в направлении какого-то реального изменения социального строя оставляет единственную альтернативу — экспрессивное поведение.

Нелишне напомнить здесь наиболее заметные черты танцующей толпы. Одной из них является интенсивное *чувство близости* и *esprit de corps*; другой — усиленное *чувство экзальтации и экстаза*, которое дает индивиду переживание возрастания самооценки и ощущение одержимости каким-то запредельным духом. Индивиды чувствуют воодушевление и могут разразиться какими-то прорицаниями. Третьей чертой является проекция коллективных эмоций на внешние объекты — личности, формы поведения, песни, слова, фразы и материальные объекты, — которые при этом приобретают священный характер. С воспроизводством и повторением этого стадного поведения *esprit de corps* усиливается, танцующее поведение формализуется и ритуализуется, а святость объектов подкрепляется. Именно на этой стадии и возникают секта и культ. Так как моделью развития религиозного движения является развитие секты, рассмотрим некоторые из важнейших черт секты.

Во-первых, следует отметить, что члены секты могут рекрутироваться из самых разнородных источников, различаясь по состоянию, званию, образованию и социальному происхождению. Эти различия и отличия в секте не имеют никакого значения. В толчее и процессе выработки контакта каждый низводится на

209

некий общий уровень братства. Об этом факте свидетельствуют не только эмоции и установки членов секты по отношению друг к другу, но также и тот способ, которым они соотносятся друг с другом, и их манера обращения друг к другу.

Вокруг чувства экзальтации и священных символов, в которых выкристаллизовывается это чувство, вырастает ряд верований и обрядов, которые становятся вероучением и ритуалом секты. Вся жизнь секты оказывается сосредоточенной вокруг этого вероучения и ритуала, которые и сами по себе начинают приобретать некий священный характер. Поскольку они символизируют эти интенсивные эмоции группы, они становятся абсолютными и императивными. Здесь важную роль играет пророк. Он является священным персонажем и стремится собственной персоной символизировать вероучение и ритуал группы. Он также является главным хранителем этого вероучения и ритуала. По мере того как секта начинает осознавать исходящую извне критику и предпринимать попытки оправдать свои воззрения, вероучение группы начинает перерабатываться в некий объемный корпус доктрины. Именно таким путем возникает *теология*; значительная ее часть имеет форму апологии. Это сопровождается некоторыми изменениями в ритуале, главным образом в форме дополнений. К тем чертам практики и образа жизни секты, которые превращают ее в объект критики и даже преследований извне, эта секта вполне может испытывать нежную привязанность, воспринимая их как признаки ее собственной идентичности; эти черты, таким образом, приобретают особое значение.

Другой важной чертой секты, обусловленной ее особого типа переживаниями и священным характером, является вера в то, что ей сопутствует божественное благоволение и что она состоит из избранной группы святых душ. Преображение, испытываемое членами секты, и новые моральные и общественные (*communal*) перспективы, которые она открывает, легко приводят их к этому убеждению. Люди вне секты считаются пропащими душами — ведь их не осенила благодать этого преобразующего переживания.

Самоощущение секты в качестве общины спасенных душ легко располагает ее к агрессивному обращению в свою веру тех, кто стоит вне ее. Часто она чувствует, что на нее возложена некая божественная миссия спасти других и «показать им свет». Поэтому она ищет новообращенных. Чтобы стать членом секты, аутсайдер должен испытать некое обращающее переживание — моральное преображение, схожее по характеру с тем, которое испытали члены секты. Публичное признание является свидетельством такого переживания и признаком того, что индивид вошел в число избранных. Эти замечания указывают на особенно значимую характеристику секты — интенсивное конфликтное отношение, в котором секта находится с внешним миром.

Можно сказать, что секта находится в состоянии войны с внешним миром, и все же это какой-то особенный вид

210

конфликтного отношения, поскольку секта стремится не к изменению институтов или реального социального строя, а к его моральному перерождению. Она ставит своей целью, по крайней мере первоначально, не изменение внешнего существования, а изменение внутренней жизни. В этом смысле секту можно понимать как глубоко революционную, поскольку она пытается внедрить какое-то новое представление о Вселенной вместо простого стремления переделать институты или реальную структуру социального строя.

Религиозное движение имеет тенденцию разделять с сектой эти ее черты. Его программа представляет некий новый способ жизни, и оно нацелено на моральное перерождение мира. Развиваясь из аморфного состояния, которое, очевидно, характерно для него в ситуации танцующей толпы, оно стремится приобрести структуру, схожую со структурой секты, и в результате развивается в некое общество. Таким образом, религиозное движение становится аналогом специфических социальных движений, за исключением того, что его цели — совершенно иной природы⁶.

Модные движения. Хотя мода обычно соотносится лишь с одеждой, важно осознать, что она охватывает гораздо более широкую область. Ее можно обнаружить в манерах, искусствах, литературе и философии, она может даже проникать в определенные сферы науки. На деле она может действовать в любой сфере групповой жизни, не считая технологической и утилитарной областей, а также сферы священного. Для ее функционирования необходимо классовое общество, так как в своих существенных проявлениях она не наблюдается ни в однородном обществе, подобном какой-либо первобытной группе, ни в обществе кастовом.

Мода существует как некое движение и по этому основанию отличается от обычая, который по сравнению с ней статичен. Это обусловлено тем фактом, что мода основана главным образом на дифференциации и соперничестве. В классовом обществе высшие классы, или так называемая социальная элита, не могут дифференцироваться с помощью каких-то фиксированных символов или знаков (badges). Следовательно, чисто внешние особенности их жизни и поведения могут имитироваться непосредственно нижестоящими по отношению к ним классами, которым в свою очередь подражают группы, расположенные в социальной структуре непосредственно под ними. Этот процесс придает моде некую вертикальную структуру. Как бы то ни было, класс элиты обнаруживает, что он больше не выделяется вследствие осуществляемой другими имитации, и как следствие он вынужден принимать какие-то новые отличительные критерии — только для того, чтобы вновь их заменить, когда они в свою очередь станут

211

объектом подражания. Главным образом именно эта черта и превращает моду в движение, и именно она заставила одного автора заметить, что мода, однажды разразившись, движется вплоть до своей гибели.

В качестве движения мода имеет мало сходства с любым из тех движений, которые мы рассмотрели. Хотя она возникает спонтанно и проходит характерный цикл развития, она мало несет в себе стадного поведения и не зависит ни от процесса дискуссии, ни от результирующего

⁶ Существуют как религиозные, так и политические секты. Разница в том, что политические секты стремятся осуществить как политическую революцию, так и коренное изменение жизненной философии.

общественного мнения. Она не зависит и от тех механизмов, о которых мы говорили. Участники этого движения не вербуются агитацией или обращением в свою веру. Среди них не развиваются ни *esprit de corps*, ни мораль. Модное движение также не имеет и не требует никакой идеологии. Далее, поскольку оно не имеет никакого руководства, дающего сознательное направление движению, оно не изобретает никакого набора тактических приемов. Люди участвуют в модном движении по собственной воле и откликаясь на тот интересный и могущественный род контроля, который накладывает на них мода.

Модное движение не только уникально по своему характеру, но отличается от других движений также и тем, что не развивается в обществе. Оно не выстраивает никакой социальной организации; у него нет никакого персонала или корпуса функционеров; оно не развивает никакого разделения труда среди своих участников, когда каждому отводится какой-то определенный статус; оно не создает никакого набора символов, мифов, ценностей, никакой философии или практики и в этом смысле не образует никакой культуры; и наконец, оно не развивает никакого набора взаимных обязательств (*loyalties*) и не формирует никакого «мы — сознания».

Тем не менее модное движение является важной формой коллективного поведения, обладающей чрезвычайно значительными результатами для социального строя. Во-первых, следует заметить, что модное движение есть подлинно экспрессивное движение. У него нет никакой сознательной цели, которую люди стремились бы достичь посредством коллективного действия, как в специфических социальных движениях. Оно не представляет собой также и разрядки возбуждения и напряжения, как в танцующей толпе. Оно выражает, однако, определенные фундаментальные порывы и тенденции, такие как склонность к новым переживаниям, желание выделиться и побуждение соответствовать. Мода важна в особенности тем, что обеспечивает средство для выражения развивающихся вкусов и предрасположений; эта черта подтверждает, что она есть форма экспрессивного поведения.

Последнее замечание дает ключ к пониманию роли моды и способа ее участия в формировании нового социального порядка. В изменяющемся обществе, которое необходимо для функционирования моды, субъективная жизнь отдельных людей постоянно утрачивает равновесие; они приобретают какие-то

212

новые предрасположения и вкусы, которые, однако, неясны и неопределенны. Представляется совершенно ясным, что мода, предоставляя возможность для выражения предрасположений и вкусов, служит для их определения и канализации и, следовательно, их фиксации и упрочения.

Чтобы уяснить это, необходимо должным образом оценить тот факт, что движение и успех моды зависят от принятия какого-то данного стиля или образца. В свою очередь это принятие основано не просто на престиже, связанном с этим стилем, но также и на том, удовлетворяет и отвечает ли этот стиль предрасположениям и развивающимся вкусам людей. Известные провалы, которые терпят усилия сделать тот или иной стиль модным исключительно на основе престижа, могут послужить опорой для этой точки зрения. С этой позиции мы можем рассматривать моду как нечто такое, что возникает и расцветает в ответ на какие-то новые субъективные требования. Обеспечивая средства для выражения этих предрасположений и вкусов, мода способствует, в соответствии с высказанным выше предположением, оформлению и кристаллизации этих вкусов. В конце концов мода помогает, таким образом, создать некий *Zeitgeist*⁷, или некую общую субъективную жизнь, и тем самым помогает заложить основы нового социального порядка.

Возрожденческие и националистические движения

Слияние специфических движений. До сих пор мы рассматривали отдельно специфические социальные движения, религиозные движения и модные движения. Однако должно быть ясно, что они могут сливаться, хотя и в весьма различной степени. Так, революционное движение может иметь множество черт религиозного движения, а его успех может зависеть в известной

⁷ Дух времени. — Прим. перев.

мере от того, станет ли оно модным.

Возрожденческие движения. Возрожденческие и националистические движения особенно часто обладают таким смешанным характером. Мы посвятим им несколько замечаний. Люди, участвующие в возрожденческих движениях, идеализируют прошлое, почитают некую сложившуюся у них идеальную картину этого прошлого, стремятся подогнать современную жизнь под эту идеальную картину. Такие движения объясняются, очевидно, как отклики на ситуацию фрустрации. В этой ситуации люди испытывают утрату самоуважения. Поскольку будущее не обещает им какого-то нового достойного представления о самих себе, они обращаются к прошлому в попытке сформировать его. Вспоминая прошлую славу и достижения, они могут отвоевать немного самоуважения и удовлетворения. Следует ожидать, что такие движения будут иметь сильный религиозный характер.

213

В этих отношениях националистические движения очень схожи с ними.

Националистические движения. Большинство националистических движений имеет сильный возрожденческий характер, предполагающий прославление прошлого народа. Этот аспект тесно связан с той мотивацией, которая столь характерна для этого типа движения, а именно с комплексом неполноценности. Те, кто начинают движение, обычно обладают какими-то огорчительными личными воспоминаниями о том, как им дали почувствовать себя неполноценными и недостаточно привилегированными для того, чтобы получить какой-то респектабельный статус. Их уязвленное самоощущение и желание восстановить самоуважение ведут их к попыткам улучшить статус группы, с которой они себя отождествляют. В таком движении наблюдается не только постановка какой-то цели, например, завоевания национальной автономии, но обычно также и идеализация какой-то минувшей эпохи в жизни этого народа.

Выводы относительно коллективного поведения

Социальный строй может рассматриваться как состоящий из следующих, наряду с прочими, элементов. Во-первых, набора каких-то общих экспектаций, на основании которых люди способны кооперировать и регулировать свою деятельность по отношению друг к другу. Эта процедура дает им обычаи, традиции, правила и нормы. Во-вторых, набора каких-то ценностей, которые связаны с этими экспектациями и которые определяют, насколько они важны и с какой готовностью люди примкнут к ним. В-третьих, каких-то представлений, которые люди имеют о самих себе в отношении друг к другу и к своим группам. И в-четвертых, какой-то общей субъективной ориентации в форме предрасположений и настроений.

Эта концепция социального строя облегчает понимание положения, высказанного в начале данного обсуждения, что при изучении коллективного поведения мы касаемся процесса построения того или иного социального строя. На ранних стадиях этого процесса коллективное поведение неопределенно по своему характеру и относительно неорганизовано. Появляются элементарные и спонтанные типы поведения. На их примере яснее видны основные механизмы ассоциации. По мере продолжения взаимодействия между людьми коллективное поведение получает форму и организацию. Возникают новые экспектации, ценности, представления о правах и обязанностях и новые вкусы и настроения. Мы постарались доказать ту роль, которую в этом процессе играют механизмы коллективного поведения, а также функцию социальных движений. В общем, мы можем сказать, что движения, концентрирующиеся вокруг механизмов общественности, дают начало политической фазе социального строя; те, что используют главным образом механизмы функционирования

214

толпы и контакта, порождают какой-то моральный или священный строй; те же, что, подобно моде, подчеркивают механизмы массовых движений, производят определенные субъективные ориентации в форме общих вкусов и склонностей.

215